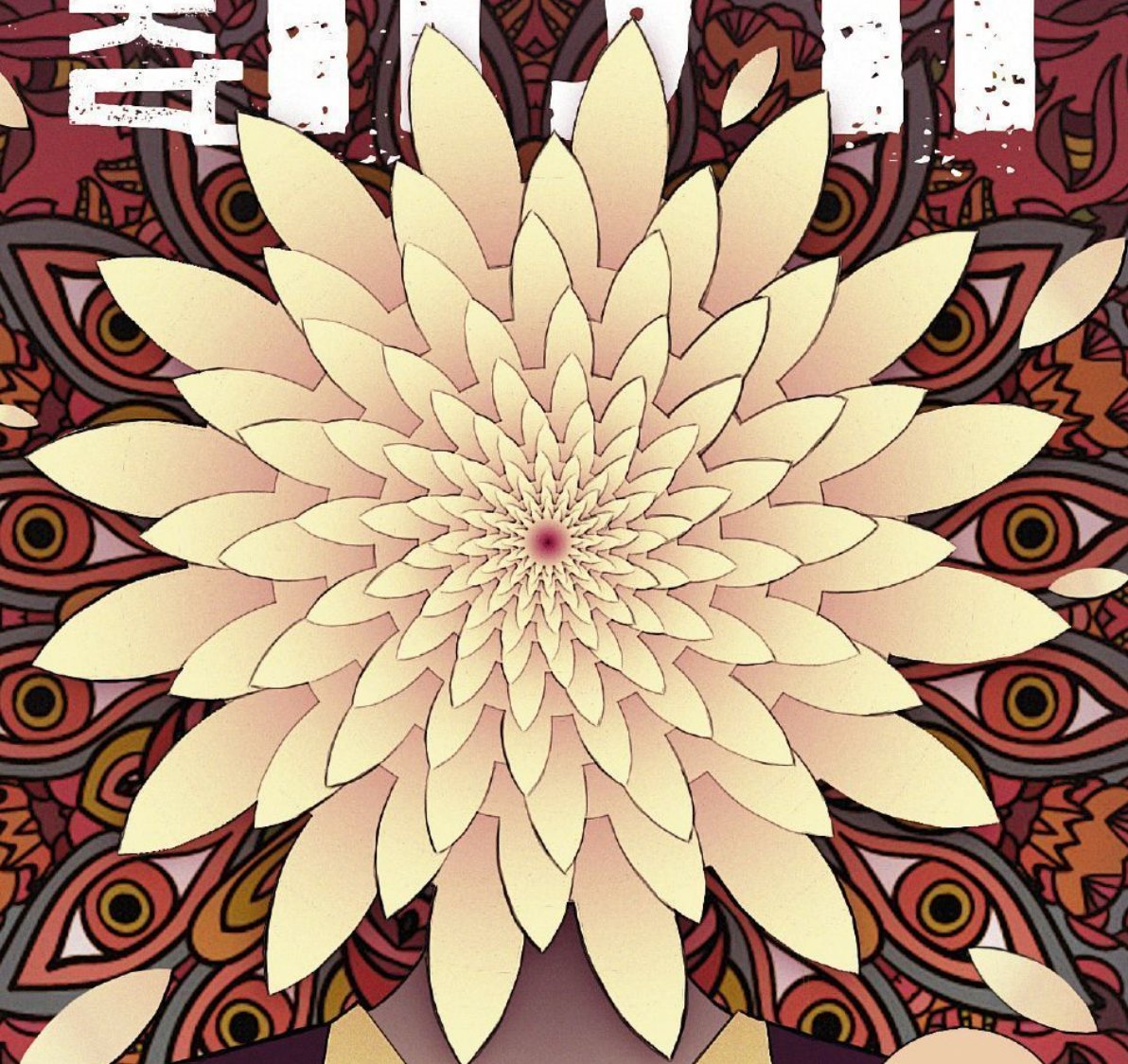

ПОЖИ
ВНИ

18+

ПЫЛЬЦА

Вирт

Джефф Нун

Пыльца

«Издательство АСТ»

1995

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Нун Д.

Пыльца / Д. Нун — «Издательство АСТ», 1995 — (Вирт)

ISBN 978-5-17-110732-1

Мир, смазанный Вазом, катится к концу. Сновидение, Вирт, объявляет войну своему сновидцу. Войну за свободу. Войну за реал. Войну за право рассказывать истории. Вы догадывались, что ваши любимые персонажи могут презирать и ненавидеть вас? Что им давно опостылело быть только рассказываемыми? Мир, где Плодородие-10 сломало генетические барьеры. Существа, слившиеся в экстазе межвидового секса, вечное противостояние гибридов. Мех против Дыма. Чистые против гибридов. Больные против здоровых. И все – против зомби. В этом мире миф обрел разум и волю, но не перестал быть мифом. Добавьте к нему еще одно измерение – измерение сна, – и добро пожаловать в дождливый Манчестер в сезон цветения.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110732-1

© Нун Д., 1995

© Издательство АСТ, 1995

Содержание

Отрывок из «Зеркальных войн» Р.Б. Шимосы	6
Понедельник, 1 мая	7
Вторник, 2 мая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джефф Нун

Пыльца

Роман

Jeff Noon

Pollen

© Jeff Noon, 1995

© Перевод. А. Скобин, 2018

© Перевод. А. Давыдов, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Посвящается Джулии

*Они втроем с востока шли,
Удачу испытать,
И сэра Джона поклялись
Убить и закопать.
Вспахали землю, и его
Во мраке погребли,
И объявили на весь мир:
Джон Берликорн убит.
Он там немало полежал,
Но дождь пошел с небес
Мальши Джон голову поднял
И из земли полез.
Тогда пришел мужик с косой
И срезал Джона с ног,
И вилы остро наточив,
Вогнал их Джону в бок.
И цеп по Джону молотил -
И обнажилась плоть,
Остатки тела увезли
На мельницу молотъ.
Но в виски Джон-Мальши ожил,
И в пиве, темном, как орех,
И доказал своим врагам,
Что он сильнее всех.*

*Джон Берликорн (John Barleycorn) – Джон Ячменное Зерно
Неизвестный автор*

Отрывок из «Зеркальных войн» Р.Б. Шимосы

Сегодня почти несомненно, что одним из важнейших открытий нашего века стала возможность записывать сны на воспроизводимый носитель, биомагнитную пленку, покрытую жидким «фантазмом». Это освобождение психики в самой продвинутой его форме стало известно как Вирт. Посредством Вирта люди смогли вновь переживать собственные сны или, что опаснее, посещать сны других людей, сны незнакомцев.

Считается, что «окно между реальностью и сном» впервые открыл аморфологист «мисс Хобарт», но истинное происхождение Вирта и способа, которым люди попадали туда (с помощью «перьев сна», помещаемых в рот), навсегда останется под покровом тайны.

Сама суть Вирта порождает прискорбный недостаток информации, ибо «мир снов» почти сразу зажил собственной жизнью. Прежние жители Земли в массе не знали об этом аспекте изобретения. Между тем явление «собственного сна» Вирта в конце концов привело к серии сражений, известной ныне как Зеркальные войны. В этой книге мы попытаемся по возможности без эмоций описать ужасные войны между сном и реальностью, конфликт, в котором обе стороны несли ужасные потери, пока не определился окончательный победитель.

Все крупные теории военных действий можно свести к аналитике жадности. Вышло так, что, обретая все бо́льшую силу, порождения сна стали презирать и смотреть сверху вниз на настоящих сновидцев, которых они называли простыми «рассказчиками» планеты Земля. Надо сказать, порождения сна теперь воспринимали свой фантастический мир как самостоятельную реальность, Планету Вирт. «Виртуалы» начали борьбу за независимость.

Наиболее слабое место в барьере между сном и реальностью находилось в психическом пространстве, окружавшем Манчестер, пропитанный дождем город на северо-востоке Синглии (Singland – Страна Песен (англ.), которую в те примитивные дни знали под именем Англия). Это был легендарный город, где произошел инцидент, который сегодня мы называем «Опылением». Он официально считается одним из самых ранних столкновений в Зеркальных войнах.

Понедельник, 1 мая

Отец сказал, что я проживу столько лет, сколько пылинок смогу удержать в ладони. В результате я дожила до такого преклонного возраста, что теперь, когда тело мое разрушено временем и силы покинули меня, все, что у меня осталось, – это голос, Тень и желание рассказывать.

Моя фамилия Джонс. Неожиданным подарком стало христианское имя, данное мне отцом – Сивилла. Сивилла Джонс. Я родилась с проклятием Неведающего – это значит, я не могу видеть сны. Представьте: в мире, подсевшем на перья Вирта, на чужие сновидения, для меня сон – просто отдых. Иммунитет к Вирту – генетический порок; ему неизменно подвержены шесть процентов населения. Те, кто может видеть сны, прозвали нас дронтами – нелетающими птицами. В молодости я часто представляла дронтовую составляющую своего тела как реку темной, стерильной жидкости, текущей по моим жилам. Или как черного голодного жука, который поселился у меня в животе и пожирает мои новорожденные сны.

Мое проклятие. Запертые двери Страны Чудес.

Моим же спасением стал дар Тени, открывший доступ к мыслям других людей. Я путешественница разума, чтец чужого сознания – это мой путь, и я шла по нему всю жизнь. Я прожила так сто пятьдесят два года, и мой мир стал похож на пыльную комнату. Пыль прячется в каждой щели. Извилистая карта мозга стала садом текучего праха.

Так было не всегда.

Когда я была молодой и полной сил, я не просыхала, а от чего – от крови, от любви или от выпивки, – в общем-то не так важно. Поверь на слово: я пыталась найти замену недоступным снам. Я была добровольным участником паводка зрелости, добровольной жертвой биологии. Но ах! пыль добралась до меня раньше, чем обычно, я постарела прежде времени – мой муж из-за этого бросил меня, и дочь меня покинула, и все, что у меня осталось, – стремление к неспецифическому правосудию. Я стала тeneвым копом, работала в манчестерской полиции, отдала свой дар телепатии службе дознания. Тогда все мне было просто и ясно: моя жизнь стала крестовым походом против преступлений и измены, протекавшим в пучине алкоголя, дыма и одиночества. Я сроднилась с этим принципом самоотречения.

Все должно было пойти прахом.

Я хочу рассказать тебе эту историю, дочь моя, историю осколков, собранных в Манчестере: цветы и собаки, сны и рваные карты любви. Похоже, пора. Скоро твоя мать, превратившаяся в женщину из пыли, умрет. Пожалуйста, выслушай внимательно. Это моя история, твоя история; моя Тень, твоя Тень; моя жизнь, летящая по ветру, моя книга, моя книга Сивиллы...

Койот – лучший водитель черного такси всех времен. Он провез больше людей на больше километров, в более странные места, в более странные времена, при этом у него было меньше проблем, меньше грязи на лобовом стекле, он ловчее крутит руль, глубже видит карту, реже попадает в аварии, реже сворачивает не туда, на него реже жалуются, реже требуют вернуть деньги, он чаще срезает путь и находит закрытые дороги, он меньше берет за проезд, у него больше ответственности и куда больше ран, чем может представить какой-нибудь другой драйвер.

Раннее утро, без двух минут четыре, первое мая, мир дрожит: темные птицы, крылья копоты, черные поля и ослепшая луна. И еще вот-вот начнется дождь. Погано. Но это не важно: Койот – отличный пес-драйвер, и сейчас его челюсти покрыты слюной в предвкушении отличного мяса, жирного пассажира, замечательной сочной мышцы денег.

Мясо и деньги: мечты-близнецы, возможность расплатиться с долгами.

Видит Бог, долгов у Койота предостаточно. Долги банку, долги суду, долги маленькой девочке, которая живет дальше по улице. Он зовет ее дочерью: милого ребенка, которого он

иногда навещает и чья мать – Койотова бывшая жена – постоянно просит помочь материально. Койоту не жалко денег; сказать по правде, ему нравится платить, просто сейчас у него пусто в кармане.

Везде и всегда – все хотят денег.

Койот тоже. Не слишком много, не думай. Просто достаточно – уже хорошо. Просто чтобы хватило раздать долги и немножко сверху для себя. Он надеется, что однажды уедет в солнечный Кайфотаун. Откроет там собственный такси-бизнес, будет сидеть в офисе и смотреть, как текут к нему денежки. Пожить для разнообразия породистой жизнью.

Первый раз за долгие годы Койот снова думает о будущем. Если бы он мог собрать кое-какой капитал, расчистить шкафы от скелетов. Он клялся никогда больше не возвращаться в Лимбо, но в последнее время совсем мало хороших заказов.

Сейчас Койот поджидает свой большой, жирный куш – пассажир сделал заказ два дня назад; место и время определены до последней цифры, деньги – в конце маршрута. Он знает, что все нормальные драйверы требуют деньги вперед, но Койот старомоден. Именно поэтому он водит черное такси. У Койота есть даже настоящий счетчик, причем счетчик работает. Естественно, модифицированный под Койота, но все равно никто больше ими не пользуется. Койот – уникум и гордится этим. Правда, уникальность всегда идет рука об руку с одиночеством.

Отсвет часов с передней панели неуверенно ложится на Койота. 4:02 утра. Пассажир опаздывает. Тяжелые облака собираются прямо над заросшей вереском дорогой, они похожи на первые капли влажного сна. Пассажира нет как не было. Койот начинает нервничать. Не из-за возможного дождя – Койоту случалось штурмовать ураганы. Не из-за темного мира, раскинувшегося вокруг. Правду сказать, ему нравится темнота. Теперь почти все поездки незаконные, и чем темнее, тем лучше – это закон. Приближается рассвет, и если пассажир скоро не появится, придется отказаться от заказа, вот так вот. Время – главный враг Койота. Время, где живет дневной свет, а еще там живут копы: сидят, жирные и одуревшие, ждут, когда какой-нибудь левый пес, вроде Койота, пронесется мимо, нарушая правила. Он нарушал правила и раньше – Койот живет, чтобы нарушать правила, это его основная работа, – но в один прекрасный день его поймали, и теперь он до сих пор платит штраф. Он хочет выплатить штраф – человек в нем. Но это не тот опыт, который хотелось бы повторить. Плохо то, что он не может перестать нарушать правила. Далматинец в нем.

Койот – наполовину человек, наполовину пес. Он гасит «напалм» в пепельнице на панели, достает новую пачку из бардачка, выходит из кабины, срывает когтями герметичную обертку, закуривает очередную сигарету, прислоняется к машине и смотрит на танцующие облака. Во мраке кажется, что темный вереск шевелится. Койот нервничает; он единственный человекопес на километры вокруг, и в ночных полях его окружают зомби. Он знает, что вересковые пустоши Лимбо принадлежат этим полумертвым тварям, но именно здесь водятся большие заказы. Разве может лучший пес-драйвер отказаться от такого шанса? От страха у него по коже пробегают мурашки, он внезапно понимает, что не может больше выносить эти мертвые поля: ему нужна человеческая компания, нужны голоса. Он лезет в машину, включает зажигание и врубает радио. Как обычно, оно настроено на «FM Dog National». Эти стереильные завывания пес-жокеев, записи, которые они ставят, глазированные косточки, спетые сладкими молоденькими сучками, совсем не под настроение. Он хочет чего-то более человеческого, хочет чего-нибудь для человеческой части своей души.

Тянется через открытое окно к приемнику и настраивается на «Радио Йо-Йо». Гаснущие ноты старой-старой песни перетекают в голос, глубокий и медленный, такой же потрескавшийся, как земля, на которой стоит Койот...

– Мы прослушали «Убить Джона Берликорна» от Traffic, великий фолк-роковый гимн возрождающему духу Матери-Земли, пришедший к нам из тысяча девятьсот шестьдесят девятого. Это был отличный год, прекрасные ласки флейты – врубаетесь, пипл? С вами старый

добрый Гамбо собственной персоной, и я начинаю новый день, Первомай, День матери, пожеланием Джону Берликорну продолжать свой путь вверх. Раз уж он вынул свой пыльчатый палец из своего хипповского носа. Время – четыре минуты пятого, содержание пыльцы в воздухе сегодня дошло до 49 гранул на кубометр и стабилизировалось. Открыт сезон чихания, так что Гамбо Йо-Йо советует всем своим слушателям: держите под рукой парочку чистеньких и свеженьких ноздрей. В течение этого часа вы услышите официальные новости от Ваниты-Ваниты и то, что власти хотели бы скрыть от вас. Вы знаете, что именно, поэтому вы и любите Гамбо так сильно. А теперь горячий твист шестьдесят шестого: «Are You Experienced» от Jimi Hendrix Experience. Сыграй мне нежно на гитаре, Джими... Йо-Йо!

Уже лучше. От услышанного шума Койоту хочется завывать. Гамбо Йо-Йо – пиратский диджей, который транслирует подборку классики шестидесятых и информацию, украденную из полицейских баз. Передачи ведутся из какого-то невыявленного места в Манчестере. Гамбо Йо-Йо – трикстер-анархист, категорически антиправительственный, и этим он близок душе Койота. Койот оставляет радио и включает фары такси. Свет прорезает в воздухе две хилые желтые линии и упирается в огромный сухой дуб. Койот глубоко затягивается и читает надпись на новой пачке: «КУРЕНИЕ ПОМОГАЕТ ТЕБЕ ВЫГЛЯДЕТЬ СТИЛЬНО – ИМИДЖ-КОНСУЛЬТАНТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА». Он слегка обнажает клыки, просто чтобы задавить страх, и опять смотрит на облака.

Койот любит дождь. Сразу приходят мысли об улицах Манчестера. И ему нравятся «напалмы». Но больше всего он любит свое черное такси.

Теперь таких такси почти не осталось, с тех пор как в игру вступили икс-кебы. Икс-кебы! Компьютеризированные, обтекаемые бронемашины, раскрашенные в черно-желтый цвет. Наймите дизайнером бухгалтера, а драйвером – тормоза, и вы получите икс-кеб. Они присвоили себе звание «рыцарей дороги», и вокруг них кругами по воде побежали тысячи слухов. Дети улиц, друзья Койота, говорили, что бо́льшая часть слухов – правда. Например, что у драйверов отнимали все воспоминания, заменяя их робоимплантами и комплексным знанием улиц. Что всей этой системой управляет туманная таксотварь, называющая себя Колумбом. Что у кебов спереди, сразу за фарами, смонтированы пушки. Что драйверы каким-то образом видят будущее: они знают, что тебе нужно такси, раньше, чем ты понимаешь это сам. Сегодня, если ты зовешь такси, икс-кеб тормозит рядом через минуту, гарантированно.

Койот не такой. Он старомоден до кончиков когтей. Боже, как же он ненавидит этих иксеров!

Он втаптывает окурок в дорожную грязь. Тут же прикуривает следующую, потому что неожиданно задумывается о Бодде. Бода – одна из иксеров. Пару раз они с Койотом пересекались в ночных кафешках и разговорились. Она изменила образ иксеры в сознании Койота – он увидел в Бодде истинный свет. Она была настоящим бриллиантом, именно таким, какой он искал всю жизнь. Она ослепляла Койота одним своим присутствием, а уж когда она в ночном кафе спела для него песню – ее прокуренный голос вздыбил мех Койота дрожью наслаждения. Они болтали, пока не погасли фонари, и ему казалось, что иксерка проникла в его разум и разговаривает с ним напрямую. Словно у него больше не осталось от нее секретов. Он подумал, что она из теневых девушек, но спрашивать не стал. Разве теневые и псы не заклятые враги? К тому же разве драйверам не положено жить только ради иксерского Улья? Так почему же тогда этот неземной экземпляр заговорил с ним? И почему разума Койота коснулись нити Тени? Наверняка икс-кебы убрали бы эти опасные способности. Но он видел страх в ее глазах: она говорила с ним так, словно грешит против какого-то тайного кодекса. Так что ни одно слово на эту тему не сорвалось с уст Койота, зато он вдоволь развлек ее рассказами о своих таксишных приключениях. Бодде, похоже, он понравился; она пообещала подкинуть ему работу, что-нибудь слишком незаконное для икс-кебов. Икс-кебы не работают за границами города.

Вот поэтому Койот и стоит здесь, в тающей темноте, ждет пассажира, забравшись далеко в никуда. Бода дала ему телефон, на звонок ответил сумрачный голос: «Ехать к Текучей Свиные, проехать мимо нее, свернуть на грунтовку, вторую налево. Проехать по ней триста метров до сухого дерева. Ждать там, в четыре утра. Ждать пятнадцать минут. Если никто не появится, уезжать. Все ясно?»

Ему было ясно. И вот он здесь, стоит и ждет, и утро уверенно приходит в оранжевой мини-юбке. Почему Бода к нему так добра? Койот не знает. С тех пор как богиня лакала из его миски, прошла целая вечность. Почему сейчас? Все, что он мог сделать, – поблагодарить ее поцелуем и отправиться в путь. Но от этого поцелуя в нем проскочила искра, ожили мысли о том хорошем, что было и прошло, и о том, что вот-вот готово начаться, словно цифры на счетчике такси: поездки, бывшие и будущие.

Справа от него, за пределами конуса света фар, раздается шум. Он оборачивается, но ничего не видит, только медленные волны перекатываются по иссохшей траве, словно вязкие языки в ночи. Делает глубокий вдох, втягивая весь пейзаж в ноздри. Чувствует озоновые басы дождевых облаков, терпкую стерильность травы и земли в среднем регистре и какую-то высокую, дискантную ноту, которую не может опознать. Но ничего опасного, ничего человеческого или получеловеческого. Еще нет. Он прислоняется к водительской двери с сигаретой в зубах, слушает, как Гамбо Йо-Йо представляет следующую песню, смотрит на наливающиеся тяжестью облака и думает о дочери, о драйвере по имени Бода, о времени, о том, что все утекает, уходит от него и от всех остальных и что все его так называемые друзья тянут из него деньги, и когда же наконец появится этот пиздюк пассажир!

Он дотягивает «напалм» до самого фильтра и выбрасывает окурочек. Мелькает огонек, на секунду высвечивая маленький пятачок земли. Земля здесь всего на шаг от смерти, с тех пор как падала Гнилая кровь. Танатос, как его называли большие газеты. Дешевые же звали его Лимп, Гага или Консерватор. Боже! Да какая разница, как его называть? Мир за границами городов стал пустыней снов. На таком расстоянии от города дождь шел раз в полгода, и поговаривали, что в таких местах есть дыры в мире. Поверьте, Койот разберется с этой работой, лихим ветром проедет по темным дорогам, вполне возможно, с плохим пассажиром на борту. Если он вообще появится. Уже 4:10 – и ни слуху ни духу. Иногда Койот думает, что Манчестер – последнее влажное место на земле, и именно поэтому его так тянет на эти мокрые улицы. Койот звереет оттого, что стоит черт знает где, вполне возможно, совершенно вхолостую, просто из-за безумного слуха, который дошел до ушей Боды. Может, это не клиент. Единственный транспорт, который легально ездит по Лимбо, – жуткие грузовики «Ваз Интернешнл», скользящие от города к городу. Один такой он встретил по дороге сюда – массивный джаггернаут, оцетинившийся пушками и прожекторами, вопящая стальная башня; грузовик чуть не разметал черное такси Койота по темноте.

Этой дороги даже нет ни на одной официальной карте. Конечно, Койоту не нужны официальные карты. У него в голове своя модель мира. Как собака мочится на фонарные столбы, Койот размечает территорию, когда на нее попадает.

Койот – сам себе карта.

Он задирает морду к ветру, вдыхает запахи шторма, а потом наклоняется к часам.

4:12.

Тусклый розовый свет солнца проникает в каждый уголок этого мира. День стремительно приближается, и если Койот не доставит пассажира в ближайший час, он вполне может оказаться в Лимбо бесплатным развозчиком зомби и прочих нежелательных элементов. Это плохо. Они что, не понимают, что время – моя смерть? Если ты ошибся в секундах...

Вдалеке кто-то кричит: кошмарный визг, высокий, скрежещущий звук, словно песок внутри глаза.

Койот заменяет «напалм» на свежий, глубоко втягивает дым и внимательно смотрит на вереск, высматривает паразитов. В основном их называют «зомби», иногда «призраки», иногда «полуживущие». Как это часто бывает в наши дни, у них много названий. Они живут в Лимбо, но не по доброй воле. Суровые законы не позволяют им жить в городах, поэтому иссохшая земля исхлестанных ветром камней стала их домом. Но они не могут противостоять теплу живого человеческого общения, а редкие проезжающие машины – идеальный шанс поймать попутку и вопреки закону вернуться домой. Койот не забивал себе этим голову. В нем достаточно пса, а пес может победить зомби при хорошем раскладе. Хотя все равно надо быть насто-роже.

Он снова смотрит на часы. 4:15. Солнце точно встало и вымывает ночь из закоулков. Может, пора отменять поездку? Вроде сказали ждать до 4:15 и уезжать? Начался дождь. Ему везет. Дождь бывает здесь два раза в год, а Койот попал под ливень. Только этот дождь совсем не похож на манчестерский, скорее на мощный поток мутной жидкости; не дождь, а поливаль-ная установка. Снова раздается крик во тьме. Вокруг столько кошмарных криков, что моло-дому парню-псу хватило бы за глаза. Койот кладет лапу на дверную ручку, открывает ее...

Но слушай... слушай и нюхай. Вот прямо сейчас, на границе нового дня... он чувствует запах цветов. Цветы! В этой части мира? На вересковых пустошах? Ересь и бред. Ничего не может расти на этой зараженной, гноящейся почве. Над этой землей пролилась Гнилая кровь. Что это за запах?

Петуния. Жасмин. Розмарин. Примула. Еще запахи, смешанные друг с другом, – его все-знающий нос не может различить отдельные элементы. От запаха хочется чихнуть. Койот стра-дает от аллергии, каждый год, без вариантов. Похоже, впереди плохой сезон.

На дубе дрожит листва. В поле зрения Койота появляется что-то темное. Черт, на этом дереве не было никаких листьев, Койот уверен. Так что же там дрожало?

Из тумана возникают два человека. Мужчина и ребенок. Мужчина тащит большой мешок. Они пахнут не как зомби, первым делом решает Койот. Они пахнут как сад, заросший, мокрый, дикий сад.

Ребенка скрывает очень длинный анорак, капюшон поднят, шнурок туго стянут, так что ничего нельзя разглядеть, кроме глаз. Глаза двумя яркими изумрудами светятся из глубины капюшона.

Койот знает, что ребенок – девочка, лет десяти-одиннадцати, как раз на грани созрева-ния. Он может сказать это по запаху, запаху девочки. Он сладкий и высокий, приятный кон-траст запаху дождя, острому и кислому. Дождь превращает мех Койота в слипшийся ком. У Койота появляется неприятное ощущение, что эти люди принесли дождь с собой. Запах цветов усиливается. Он победно врывается в ноздри, Койот чихает. Он давит окурочку подошвой, втап-тывает его в грязь, в которую превратилась земля, открывает дверь такси, залезает, выключает старого доброго Гамбо.

Койот знает свое место.

Девочка открывает заднюю дверь, плюхается на обитое дерматином сиденье. Мужчина стучит свободной рукой по багажнику, требуя его открыть. Койот разблокирует замок и чув-ствует, как машина скрипнула под новой тяжестью. Мужчина подходит к окну Койота. Лицо мужчины покрыто копотью. Он говорит:

– Она едет. – Голос говорящего похож на грязь, чавкающую под ногами в дождливый серый день. – Ты в курсе, куда ее надо везти?

Койот даже не кивает, он слишком занят – заликает ноздри «СоплеСтоппером». Свобод-ной рукой он включает счетчик, флажок падает. Это то, что старики зовут стартовой таксой. Фишка пришла из давних времен, когда с механизма падал зеленый флаг, показывавший, что машина выбрана. Койот до сих пор так это и называет, хотя зеленый флаг давно исчез; такой уж он парень. Появляются цифры, зеленые и яркие: 3,80. Стандартная такса, один пассажир.

Он жмет кнопку наценки за мешок в багажнике. Добавляется 0,60 за вес. Потом он нажимает «Л» для Лимбо, и счетчик высвечивает некие 400,20 – это то, что он требует за поездки за черту города. Поездки по Лимбо очень опасны, и Койот считает, что он стоит каждого пенни.

– Александра-парк, Манчестер, – говорит мужчина. – Понятно?

Койот не обращает внимания. Черное такси прекрасно; просто послушайте гул старого двигателя! Койот чувствует растущую энергию. Знание. Так называют это драйверы – знание всех улиц: где они находятся, насколько опасны, что находится в темных углах. В Койоте растекается знание.

Такси трогается, черные колеса выбрасывают из-под себя облако грязи. Мужчина еще держится за дверь. Может, он сотрет ладони до крови. Но кого ебет чужое горе?

4:22.

День уже начался, скоро станет светло. Теперь будет еще сложнее пробраться мимо городской стражи, они будут проверять все въезжающие машины на предмет зомби. Койот собирается сыграть чисто, возможно, проехать через Потайную дверь на границе города. Мало кто из городских обитателей знает входы и выходы Лимбо лучше него. Раньше он обычно принимал перья Вирта: они помогали ему в дороге. Но он осознал, что край его личной пропасти осыпается. Теперь Койот водит чистым, без перьев. Фары такси выхватывают мертвые деревья и выгоревшие остовы машин. Он ведет сейчас, как зомби, слившись со знанием реальности и ее Тени.

Зомби – проклятье каждого драйвера. В ночных кафе Койот не раз слышал истории о машинах, найденных в мерзких грязных канавах где-нибудь на окраине Манчестера: тело драйвера размазано по сиденью, руки все еще стискивают руль. О состоянии тел рассказывали разное. Что у них не было ни единого зуба. Что их головы были отрезаны и стояли на капоте, словно эдакий роллс-ройсовский дух экстаза. Что их гениталии находили в бензобаке. Койот не знал, чему верить. Всё, чего он хотел, всё, что он умел, на что был способен, – возить людей от адреса к адресу, не важно, по Манчестеру или по Лимбо. И вот теперь он играет в свою любимую игру: везет странного пассажира в Манчестер, разгоняется по узкой щели, ведущей к маленькой проселочной дороге, ведущей назад, в тепло. Может, в этот раз мечта станет реальностью, и Кайфотаун будет ждать за следующим поворотом. Если он сможет доставить этого пассажира. 4:41.

Часы на приборной панели светятся ярко-зеленым. Напоминают ему о глазах пассажира. Такие чистые. Он слегка поворачивается и говорит через проволочную сетку:

– Манчестер зачем ехать, мисс?

Вопрос звучит глухим рычанием, потому что Койот наполовину пес; так он разговаривает, произносит человеческие слова собачьей глоткой.

Девочка не отвечает.

Койот делает еще одну попытку.

– Паспорт есть?

Молчание. Не важно, Койот так и так знал, что это нелегальная поездка.

– Пристегнута как надо?

Снова молчание. Но, обернувшись, Койот видит, что девичье тело охвачено ремнями безопасности.

– Погода гадость, – пытается разговорить ее он. – Время года?

Девочка на заднем сиденье еще туже стягивает анорак на своем лице.

Ясно, она не из болтливых. Значит, ей придется просто слушать голос Койота, вот так.

Койот любит поговорить с пассажирами.

– Как имя, ребенок? – спрашивает он.

Наверное, она не ответит. Проходит верных секунд десять, не меньше, и наконец она произносит:

– Можешь называть меня Персефоной.
Ее голос сладкий и липкий. Как кусок меда.
– Персефона. Красивое имя, – говорит ей Койот.
Она не отвечает.

Только тихий шепот черных деревьев по обе стороны дороги. Время от времени из облаков выглядывает молчаливая луна. Но встает солнце, Койот мчится ему навстречу. Может, поездка обойдется без зомби – эти полуживущие ненавидят дневной свет. Шелест дождя по ветровому стеклу. Запах цветов с заднего сиденья такси. Слишком сильный, слишком резкий. Койот чувствует, как рождается большой чих. «Аллергия в конце концов убьет меня».

До предела напрягая свои ресницы глаза, чтобы аккуратно пройти сквозь потоки дождя, Койот неожиданно мысленно видит образ Боды. И этот образ ведет его вперед, по дороге домой, в его квартиру на Фэлоуфилд. Внезапно он начинает дрожать, шерсть на загривке встает дыбом. Что-то вот-вот пойдет не так, он знает. Койот оглядывается налево-направо, высматривает проблему. Ничего не видит. Потом громкий, смачный удар сзади по машине – и девочка кричит.

Койот смотрит в зеркало, видит только темноту, девочка отшатывается от левого окна. Он поворачивает голову, нос ловит плохой запах. Он не может разглядеть, что это.

– Что случилось? – кричит он.

В ответ только вопли. Койот окончательно поворачивает голову назад, пытаясь увидеть, и неожиданно машина врежется во что-то на дороге. «Это что за хуень?» Койот вовремя поворачивает морду вперед и видит, как на них летит забор. Он переходит в состояние гиперпса и закладывает такой вираж, что видит свет собственных габаритных огней. Удар в лобовое стекло.

«Господи!»

Лицо зомби, размазанное по стеклу.

Отлично, теперь их двое: один спереди, один сзади. От вони полужизни к горлу подкапывает комок тошноты. Передний зомби устался на Койота. Его лицо, мокрое от дождя, порвано и изломано, лоскуты кожи висят как черные флаги. Красные глаза внимательно смотрят, налитые яростной жаждой пищи. С заднего сиденья доносятся какие-то странные звуки. Пес-драйвер кричит девочке, чтобы та держалась подальше от окна, но вот передний пассажир уже ухватился за дверную ручку.

«Надо было принять Вирт, психопсяка!» Единственный путь вперед, так что Койот впечатывает ногу в пол, размывая мир в темную кляксу. Но зомби-заяц все еще держится. Вот его вторая рука долбит в водительское стекло. Надо же, в ней камень. Койот бросает машину влево, а потом резко вправо, управляя всеми четырьмя лапами, как настоящая собака. Но этот зомби – бывалый стопщик. Камень опускается с тяжелым ударом, на стекле появляется паутина трещин. Еще удар – стекло разлетается. Осколок стекла вонзается псу-драйверу в щеку. Боли нет, пока нет, только подавляющее ощущение растоптанной гордости. «Это окно моей машины, Лимбо-ебец! Убирайся на хуй из моей жизни!» Койот открывает замок двери и распахивает ее – жестко! – так, что она стремительно летит обратно на хорошо смазанных петлях, и зомби летит вместе с ней. Тварь с размаху бьется о машину, а дверь снова начинает открываться. Койот помогает ей распахнуться, но пальцы зайца намертво вцепились в ручку. Койот захлопывает дверь. Зомби прижимает свое изломанное лицо к разбитому окну. Тем временем Койот одной рукой шарит в бардачке. «Куда, черт, я запихал эту штуку?» Голова зомби уже внутри, пытается дотянуться зубами. Снова удар, на этот раз сзади – и второй зомби пробивает левое заднее окно. Девочка кричит.

С клыков переднего зомби течет слизь. Он просовывает внутрь косматую руку: длинные, годами не стриженные когти врезаются в собачью плоть, оставляя за собой кровавые дорожки. Койот находит то, что ищет, и наконец поднимает свободную руку к лицу зомби. На один бес-

конечный миг он заглядывает глубоко в глаза чудовищу, а потом нажимает на спуск. Карманная пушка производит отличный выстрел: из пальцев пса-таксиста вылетает маленькая вспышка. Смачный шмат зомбиного мяса шипит на лице Койота. Койот бросает пистолет на пол такси и в рассеивающемся дыму видит сломанный нос и чистый и влажный глаз, который смотрит на него. Второй глаз – месиво из крови и желатина. Зомби все еще цепляется, держится за дверь скрюченными пальцами, выкрикивает проклятья, его горящее лицо все еще тянется к человекопсу.

Койот делает единственное, на что способен, – крепко сжимает зубы...

«Боже! Вернемся – сразу в ванну!»

...на левой половине остатки лица противника. Во рту прекрасное ощущение мяса, пусть даже он рвет с костей вкус смерти. На несколько секунд, пока он прогрызается сквозь кровь и мясо, и боль, и время, и плохой запах плохого дня плохой жизни, Койот становится абсолютным псом – пока вой клаксона не вырывает на поверхность его настоящую личность.

Спереди его слепят сияние фар и страх, но сейчас все будет, игра сделана. Он разжимает челюсти, оставляя зомби болтаться на двери, вцепляется в руль, поворачивает весь мир налево, проходит впритирку с наплывающим бегемотом вазовоза: дыхание скорости, встречная полоса, потом мощный удар в лицо зайцу в нужный момент – и тот летит, оторвался, летит... Размазан по стальным пластинам брони грузовика. «Туда тебе и дорога, зомбятина».

Он смотрит в зеркало. Молочно-белая рука зомби накрыла шею девочки. Анорак художественно защищает, но вряд ли его достаточно, и Койот отлично видит, что девочке больно. Может, стоит остановить такси, открыть дверь, выйти и разобраться с зомби с помощью огнемета и своего всемирно известного укуса. Подарить ему то же ощущение, что и его партнеру, – бездну боли. Но можно ли останавливать такси? Может, там еще пачка зомби жаждет прокатиться на халяву? И есть ли у него время? Солнце встает, как он будет возвращаться в Манчестер при дневном свете, с незаконным иммигрантом на борту?

«В какую именно из поганых игр я ввязался?» Но тут с заднего сиденья доносится вой, и Койот думает, что поездка накрылась. Это ранит его в самое сердце: Койот еще никогда не терял клиентов. Он бросает взгляд на девочку в зеркале, и она улыбается ему из-под капюшона. Зомби вцепился в нее, но его лицо превратилось в кашу, как будто девочка что-то с ним сделала. Койот не может понять, что там произошло; его душит запах цветов. Он не может перестать чихать, и ему в голову приходит мысль: «Отличное время как следует прочихаться».

– Отличная работа, ребенок, – говорит Койот, но не слышит в ответ ничего, кроме мерного скрипа дворников по лобовому стеклу.

– В порядке там? – спрашивает он. Подразумеваемая «если хочешь вытолкать этого зомби в окно – давай, только делай это сама. Дорога здесь слишком опасная».

Пассажирка молчит. Койот бросает взгляд на часы – на них 5:30, – и тогда он нажимает еще пару кнопок на счетчике, добавляя к счету стоимость двух разбитых окон и боль схватки с зомби. Стандартная такса набежала 18,40 и сверху – 1275,60. Зомби стоят денег. Койоту не доставляет радости драться с ними, но раз уж приходится и раз уж он вышел победителем, отлично, отблагодарить можно наличными – поездка мечты становится все ближе и ближе. В зеркале он видит, как пассажирка гладит зомби по голове, будто домашнего зверька. «Господи Иисусе! Можешь в это поверить? Кого же я везу? Что она сделала с зомби? Зачем такая сложная жизнь отличному псу-драйверу? И почему я чувствую желание ни с того ни с сего?»

Неожиданно у пса-драйвера появляется мощнейшая эрекция. Вставший член достает до низа руля, и это так приятно, что Койот ощущает – он мог бы вести машину без рук. Надо думать, во всем виноват запах, текущий от девочки. Вот сидит, ласкает зомби, как крепко выебанного любовника; машина напоминает сад в разгар весны, в воздухе туманом клубится пыльца. Койот жестоко кашляет, что больше напоминает оргазм с двух сторон. Вкус лета у него

во рту и в штанах, и ночь распускается золотым цветком утра, пока машина скользит по горлу холмов к концу маршрута, до места назначения осталось двадцать километров...

Северная граница города.

Когда они едут по Оксфорд-роуд, сразу за университетом, их обгоняет икс-кеб, летящий в сторону центра Манчестера. Кровь сначала могучим валом бросается в лицо, а потом в чресла, когда Койот видит, что его конкурент – Бода. Приветствуя ее, он поднимает влажную лапу и слышит ее голос прямо у себя в голове; она говорит что-то вроде: «Королевский драйв, парень», как будто может передавать сообщения на расстоянии, громко и отчетливо. Как будто в ней есть Тень. Может, она и есть Тень. Может, и есть. Он передает ей ответ: «Везу девочку Персефону». Просто думает про себя, и, естественно, Бода отзывается: «Хороший заход в Лимбо, Кой». Может, у них что-то и выйдет, у Койота и иксерки. Наверняка. Надо найти ее на стоянке такси, потом, когда эта поездка закончится.

– Хороший заход в Лимбо, Кой, – повторяет пассажирка, словно Тень говорила и с ней.

Ну и спасибо мелкотравчатому копу, который погнался было за ними, за всё на круг счетчик теперь показывает весьма солидные 1597,20. Отличные деньги! Для Койота решение всех проблем. Но вот он чихает. Причем просто кошмарно.

– Тяжелые духи, цветочная девочка, – говорит он.

– Спасибо, – отвечает пассажирка. – Где мы сейчас?

– Почти там, – отвечает он. – Александра-парк ты хотела?

– Довези меня до травы.

Это легко. Сначала через пряные ароматы Расхолма, потом прямо на Клермонт-роуд. Парк тихо мерцает – задумчивое пространство, полное теней и деревьев.

– Прямо здесь, слева, пожалуйста, – говорит пассажирка.

Койот останавливает машину около парковых ворот. 6:14. Капли дождя бьют в ветровое стекло. Человекопес чувствует себя дома.

– Ты в порядке, пассажир? – спрашивает он. – Такси-лага нет?

Это бывает со слабыми пассажирами, когда их протаскивают сквозь зоны неуверенной езды. Первый же взгляд говорит ему, что с девочкой все шоколадно. Он смотрит на счетчик.

– С вас тысяча пятьсот девяносто девять фунтов и двадцать пенсов, прошу.

Когда разговор заходит о деньгах, Койот говорит на чистом английском.

– Сейчас все будет. – Она достает из кармана анорака цветок, черную анютину глазку.

– Что это?

Персефона просовывает цветок через решетку, чтобы Койот мог взять его в лапу. Взгляд бедного пса очарован ночными лепестками. Только пойдет ли такая плата для Кайфотауна?

– Такая шутка, пассажир-девочка? – спрашивает Койот.

– Попробуй, – говорит девочка. – Ведь попытка не пытка?

И Койот скармливает цветок читалке кредиток на счетчике. Ровно в 6:16 зеленые цифры счета превращаются в желтое 1599,40, а на экране появляются слова «ОПЛАЧЕНО ПОЛНОСТЬЮ». Койот поражен этим зрелищем. Деньги вливаются в его систему.

И в тот же момент – понедельник, 1 мая, 6:16 утра – в Уилмслоу исчез со своей перины мальчик по имени Брайан Ласточка. Его родители, Джон и Мэвис Ласточка, не знали о том, что сын исчез, до 7:30, времени, когда они проснулись. Комната Брайана оказалась пуста, одеяло смято, как после жестокой борьбы. Окно в комнате закрыто изнутри, как, впрочем, и остальные окна и двери. Джон и Мэвис вызвали полицию. Побеседовать к ним приехал инспектор Томми Голубь. Родители сказали Томми Голубю, что поцеловали любимого сына перед сном в 10:15 вечера, а потом легли спать, закрыв за собой все двери. Детектив осмотрел комнату мальчика, обнюхал простыни, а потом воздух. Он слишком часто исследовал атмосферу, чтобы не понять, что это значит. Кто-то где-то был обменен на что-то из Вирта. И объяснить это

мистеру и миссис Ласточке будет совсем не просто. Томми Голубь вздохнул и обрушил новость на обезумевших родителей.

У Койота кружится голова. Деньги его торкают. Ни с того ни с сего он начинает чувствовать себя членом общества.

– Нравится? – спрашивает Персефона.

– Нравится. Еще как нравится. Хорошая поездка.

Он еще некоторое время разглядывает знак «оплачено полностью», перед тем как открыть дверь. Его бесят разбитое окно и боль в щеке, в том месте, куда воткнулся осколок стекла. Но все это мелочи. Оно того стоило. Он идет к задней двери машины. Девочка отстегивает ремни, спихивает на пол такси ставшее почти невесомым тело зомби. Койот понимает, что ему придется где-нибудь выбросить это печальное высохшее создание. Тем временем девочка выходит из машины. Подходит вплотную к Койоту. Ее духи ласкают его ноздри. Он хочет чихнуть, но умудряется сдержать позыв.

– Спасибо, что довез меня, – говорит она.

– Нет проблем, – отвечает он.

«Просто холодное, дождливое утро на пустошах, дурная поездка через Лимбо, два безумных зомби, один из них лежит мертвый в машине, кусок стекла в щеке, кусок полумертвого мяса во рту, меня едва не размазала огромная вазовозка, небольшая кровопотеря, игра в прятки с городской стражей, запах цветов, разрывающий мой нос».

– Я заплачу тебе, – говорит Персефона.

– Уже уплачено.

– Немного сверху.

Персефона снимает капюшон.

Койот смотрит на девочку. Ее лицо прекрасно. Его, словно пчелу, притягивает эта внешность, этот запах. Так соблазнительно. Он не знает, куда девать глаза. Поднимает взгляд на деревья Александра-парка. Не дело. Надо смотреть на нее. Эти сияющие зеленью глаза, они смотрят, как два цветка, прямо ему в душу. Девочкины детские полные губы как два дрожащих лепестка.

– Поцелуй меня, – говорит она.

Ей не больше одиннадцати, но у губ Койота нет выбора – они опускаются к ее губам, ощущая вкус пыльцы. Он чувствует, как ее язык проникает глубоко в его горло...

«Господи, языков такой длины просто не бывает».

Он думает о своем неизвестном отце, о мертвой матери, о дочери, которую так редко видит. И о своей злобной бывшей жене, и о сладкой, возбуждающей песне Боды. Крошки последних ощущений.

А потом его разум взрывается тьмой и цветами.

«...боже мой! Цветы танцуют... танцуют...»

Минуту двадцать пять секунд спустя Койот мертв.

Моего начальника зовут Крекер, шеф полиции Джейкоб Крекер. Единственный человек, названный (собственными родителями) в честь конкретного бренда тонких сухих печений. За глаза все копы зовут его Вафлей. Это голос Крекера из телефона возле моей кровати отправил меня в путешествие. Стоит раннее утро 1 мая не-пойми-какого года. В мой высохший про-спиртованный мозг с трудом пробиваются его слова:

– Сивилла Джонс... Для тебя новое дело.

Нашли тело, прямо около ворот Александра-парка. Мне надо немедленно прибыть туда. Дело темное, сказал Крекер, и больше не сказал ничего. А мне-то что? Смерть – моя специальность. Так что я быстро оделась, а потом, как обычно, забежала во вторую спальню, где лежал и спал мой Сапфир, моя любовь. Я накрыла кроватку, коснувшись Сапфира губами, потом вышла из дома, залезла в «Форд-комету» и поехала сквозь дождь к парку, в Мосс-

сайд. Я терпеть не могла оставлять Сапфира одного, но в тяжелые времена коп должен много работать. Одной рукой я вытасила сигарету из бардачка. Естественно, «напалм». Надпись гласила: «КУРЕНИЕ ПОЗВОЛЯЕТ ТЕБЕ ПИСАТЬ ЛУЧШЕ – ОФИЦИАЛЬНЫЙ БИОГРАФ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».

Вкус дыма в горле. Сейчас, в сухой пыли, я все еще помню этот вкус, похожий на дыхание плохого любовника на губах и языке.

В то время я жила на Виктория-парк, как, впрочем, и сейчас; в комфортабельной квартире, которую я купила у своего домовладельца, когда от меня ушел муж. Я вышла замуж рано, в восемнадцать, уже беременная. Семь месяцев спустя у меня родилась дочь, Белинда Джонс. Через девять лет от меня ушел муж. Через четыре дня после мужа моя дочь, Белинда, убежала из дома. Ей было девять лет – это не самый подходящий возраст для того, чтобы девочка отправилась в путешествие. Однако именно это она и сделала, напоследок назвав меня кучей плохих слов за то, что я заставила уйти отца. Она все поняла именно так. Наверное, она любила его больше, чем меня, несмотря ни на что. Но куда она ушла? Куда? С тех пор в поисках Белинды я облазила все, что могла, но не нашла нигде ни следа, ни имени, ни места. Это стало одним из путешествий моей жизни.

Теперь это путешествие почти подошло к концу. Вперед, к мечте...

В то далекое утро, когда я ехала на своей «Пылающей комете» по направлению к Мосс-сайд, полицейская система была забита сообщениями. Я была не в настроении слушать все эти зашифрованные сообщения о надвигающемся или свершившемся насилии – так что я ушла с полицейской частоты и поймала трепотню Гамбо Йо-Йо. Манчестерские копы годами искали этого хиппи-пирата и не находили ничего, кроме его голоса, идущего из ниоткуда...

– Милые милочки. Доброе утро, ага? Это была песня «Я слышу, как растет трава» от The Move, а ноздри Гамбо тем временем улавливают странные волны. Цветы на дожде, однозначно. Большой скачок содержания пыльцы в воздухе. Я прямо слышу, как оно скачет. Ваш старый хиппи уже чихает. Йо-Йо! Цветы выбрасывают пыльцу по всему Манчестеру. Гамбо раньше ни разу не видел такого огромного золотого прорыва. Потратим несколько секунд на доступ к инфоперу: последний раз такая мощная волна отмечалась в далекие и забытые дни Плодородия 10. Конечно, до мирового рекорда нам еще как пешком до луны, но тем не менее есть о чем задуматься. Абсолютно маньячный скачок. Не суетитесь. Прочищайте ноздри «СоплеСтоппером». Вышлите заказ на настоящие носовые фильтры Доктора Гамбо. Может, Джон Берликорн смилостивится над нами. Содержание пыльцы 85, и показатели растут. Новости прямо с улицы о славном убийстве. Подробности позже, когда я подключусь к сегодняшнему полицейскому перу. Вы в курсе, они меняют коды каждый божий день, но правильный Гамбо всегда найдет лазейку! А теперь, мои хорошие, послушайте эту прелесть от Скотта Макензи шестьдесят девятого года. И помните: если в этом году вы собираетесь в Сан-Франциско, убедитесь, что у вас в волосах есть что-нибудь растительное...

Создается ощущение, что Гамбо Йо-Йо знает о полицейских делах больше, чем мы сами. У него даже есть собственный входящий телефонный номер, включенный и работающий, но стоит позвонить копу, как сигнал теряется в сетях тьмы, ставшей в наше время символом скрытности. На волне сидит вирус-презерватив.

Под завесой дождя я сделала резкий, быстрый поворот налево, на Уильямсон-роуд, а потом направо, на Клермонт, направляя свою «комету» к месту чужой смерти. Было 6:57. В конце дороги я уже видела полицейские огни – красные дуги на холсте дождя и полутьмы, слева проносились черные деревья Александра-парка, сквозь листву которых просвечивали мигалки робокопов. Еще одна картина преступления. Моя жизнь. Вокруг тусовалась толпа собаколюдей. Люминесцентные полицейские ленты протянулись между фонарями и полицейскими машинами. Какой-то злобный собакобенок цапнул зубами ленту. Когда я проезжала мимо, к черному такси, наполовину заехавшему на тротуар, я увидела искры, дрожавшие и утреннем

дожде. Собакобенок взвизгнул от шока и упал назад, в лапы молоденькой сукодевочки. Плотский коп направил пистолет на толпу. Я вышла из машины, и молодой робокоп подошел ко мне, сканируя мой идентификатор. Я прошла мимо него, туда, где тьма спрессовала толпу копов в неясное темное пятно. Мы были прямо напротив бокового входа в Александра-парк, у ворот на Клермонт-роуд. Большой песокоп рычал на группу озлобленных вымокших полицейских что-то вроде «давайте трясите уже мясом». Один из них чихнул.

– Что у нас тут, Клегг? – спросила я. Песокоп повернулся на мой голос. От дождя его грязно-коричневая шерсть слиплась в сосульки.

– Где Крекер? – спросил он.

Клегг был единственным копом, который не звал начальника Вафлей. Иногда в разговоре он даже называл его «хозяин». Вообще-то Крекер не занимается грязной работой. Обычно он, как грозовая туча, появляется над местом преступления – и сразу уносится назад, за свой стол. В этот раз он даже не соизволил показаться. У него был хороший предлог: его жена с минуты на минуту ждала двадцать первого ребенка.

– Он ждет очередного ребенка, – ответила я.

– Какая жалость. И они прислали нам чертову дымку.

Главный инспектор З. Клегг – хороший простой песокоп. На счету его вытянутой морды и могучего обоняния немало раскрытых убийств людей и собак. Он наполовину пес, наполовину человек и искренне ненавидит всех, в ком есть Тень. Например, меня. Я – дымная женщина: это значит, что в моей плоти есть доля Тени. В каждом создании есть след Тени, но в некоторых из нас она живет в чистом виде. Глубинная неприязнь Клегга к Тени отдавала патологией.

– Жертва была песьего рода, Зеро? – спросила я. Я сказала так из-за влаги, блеснувшей в глазах Клегга. Я видела его таким далеко не в первый раз и понимала, что это значит.

З. Клегг просто кивнул.

«З» – сокращение от Зулу, но Клегг ненавидел это имя, так что называл себя Зет. Я называла его Зеро, просто чтобы вздыбить шерсть на его лице. Он просто бесился. Зеро был одним из тех собаколюдей, которые отчаянно отвергают свою собачью часть. Это очень забавно, учитывая пятна шерсти на его лице и длинные бакенбарды, свисавшие с обеих его щек. Он ненавидел, когда его называли псом. Зомби, псы, робо, тени, вирты и чистые – такая социальная лестница. Поэтому многие псы в конце концов оказывались по ту сторону закона. Пес, работающий копом, подвергался постоянному давлению. Не только со стороны чистых копов, но и со стороны молодых дворовых собакоребят, которые воспринимали его работу как крайнюю степень предательства. Еще больше увеличивало его неприязнь к Тени то, что он не был женат, его никогда не видели вожделеющим женщину, или мужчину, или хотя бы собаку – и в его сознание прочно вросла картина одиночества полукровки. У меня была тысяча и одна теория, почему он вел себя именно так, откуда взялся этот сгусток горечи. Ни одна из этих теорий не делала наши отношения проще. Но больше всего Зеро ненавидел, когда убивали кого-нибудь песьего рода. Это была его единственная уступка собаке, жившей в его перемешанных генах.

– Имя есть, Зеро? – спросила я. – И время смерти?

– Естественно. По паспорту из такси он Койот. Судмедэксперт говорит, отдал концы в 6:19.

– Когда-нибудь о нем слышал?

Зеро знал всех больших собак, особенно с темной стороны закона.

– Давай за работу, Сивилла, – прорычал Зеро. – Чем ты нас сегодня порадуешь?

Я сунула пальцы в стерильные перчатки, потом опустила на колени около тела: едва за двадцать, гладкие волны черно-белой шерсти поднимаются из-под воротника рубашки, образуя блестящую пятнистую маску на лице. Прекрасный собакомальчик. Одетый в черные джинсы и кожаную куртку, украшенную значками фан-клубов: «Манчестерский городской виртбольный клуб», «Робопсы Бельвью», «Баскетбольная бригада расхольмских отморожков».

Жертва оказалась манчестерофилом. Раны на лице – следы зубов и осколки стекла. Несмотря на это, на губах улыбка. Застывшая на мертвом лице. Между улыбающихся губ кто-то – убийца? – вставил букет цветов. Красные, растущие на длинных зеленых стеблях, цветы тихо склонялись вниз, к его щекам. Красные лепестки собрались в длинные кисточки. Их вязкий запах ударил мне в нос, как только я наклонилась к телу. Под букетом во рту была видна тонкая блестящая полоска смазки на ноздрах. Шерсть тут и там сверкала искрами желтой пыли.

– Кто-нибудь трогал тело? – спросила я. Чихнув, Зеро Клегг ответил:

– Ты первая.

Я понюхала смазку на его носу.

– Он страдал от аллергии, – сказала я. – Это «СоплеСтоппер».

– Можно сказать, ты поймала преступника за яйца, Джонс, – ответил Зеро. – Будешь проводить теневой поиск?

Сказал это, словно плюнул.

Может, не так уж он и не прав.

Именно поэтому копы и взяли меня на работу. Я могу читать сознание живущих и иногда, если достаточно быстро до них добираюсь, могу читать сознание умерших, их последние мысли, пока они еще не растаяли. Именно это я сейчас и пыталась проделать, отпустив свои дымные руки танцевать над лицом трупа, отыскивая путь к последним секундам его жизни.

Контакт. Последние секунды проходят сквозь меня, прах к праху, дым к дыму...

«...вкус такой сладкий, такой щедрый... едва могу дышать... так сладко... горький вкус меда... я целую цветы... ее язык словно вино... и такая девочка, такая маленькая девочка... это вкус... вкус Эдема... позволь мне там уснуть... позволь спать... спать и расти... позволь мне спать и расти... Господи! Языков такой длины просто не бывает...»

А потом взрыв красок, который заставил меня заплакать.

«...о Господи! Цветы танцуют... танцуют...»

Я путешествовала в голове мертвого собакомальчика, соскальзывая от спектрального взрыва к пропасти пустоты...

«...подумай обо мне, Бода... спой ту песню еще разок...»

Последняя фраза в жизни Койота оборвалась в молчании... Это имя, которое он произнес с такой страстью. Сладкая смерть.

– Что ты сказала? – Это Клегг.

– А? – Я все еще ощущала туннель во тьму.

– Ты сказала, это была сладкая смерть, Джонс?

– Точно?

Я сама не знала, сказала ли. Может, просто передала сообщение путями Тени, сознание сознанию, тень псу.

– Есть ли в мире такая штука, Дымка? Сладкая смерть?

– У него в голове цветы, Зеро.

– Я заметил.

– Нет, я не о том. В его сознании. Как взрыв... взрыв цветов... я...

– Что с тобой? Мне нужны улики, а не стихи.

– Не могу описать это... взрыв цветов...

– Нет от тебя никакого толку. Проигнорировав это замечание, я протянула руку к одному из цветов во рту Койота. И попыталась вытянуть его из куста.

– Расскажешь, как он умер? – спросил Клегг.

– Это к Шкурнику.

– Не зли меня, Дымка. Ты нашла имя в его мозгах? Может, убийцу? Или я прошу слишком много?

– Она была маленькая. Вроде девочка. Было имя Бода. Оно тебе что-нибудь говорит, Зеро?

– Ничего. И хватит называть меня Зеро. Никак не удастся вытащить цветок. Что-то крепко держит его там, внутри головы песопаренька. Обеими руками я ухватилась за букет и как следует рванула. Без толку. Словно другая рука, не слабее моей, держит их где-то глубоко в его глотке.

– Кому шибанет в голову засовывать цветы в рот жертвы? – спросил Клефт.

– Никак не могу их вытащить, – ответила я, продолжая тянуть.

Зеро оттолкнул меня в сторону.

– Так,пусти меня...

Он присел рядом и ухватился за букет вместо меня.

– Зеро! Отпечатки...

– Тут просто нужна нормальная хватка пса... Собачий бог!

– Говорила тебе.

– Гадский букет!

Песокот сделал могучий рывок. Раздался рвущийся звук – и Зеро упал назад, приземлившись на пятую точку, с букетом цветов в передних лапах.

– Блядские цветы! – воскликнул он, а потом кошмарно чихнул. И я видела, что влага в его глазах – не только слезы, не просто слезы боли.

– Проклятая аллергия! – прохрипел он, безрезультатно пытаясь подняться на ноги. – С каждым годом все раньше и раньше.

Он протянул цветы мне, и я сразу проверила концы стеблей. Они были оторваны и сочились соком. Я запустила руку глубоко в глотку мертвому псу, пытаясь что-нибудь нащупать. Мои пальцы скользнули по ряду острых иголок. А когда я их вытащила, они были измазаны в соке. Я посмотрела на Зеро.

– Что там такое, Дымка? – спросил он.

– Цветы не просто засунули ему в рот, – ответила я. Снова мои пальцы путешествуют по горлу жертвы.

Я чувствую, где корни растений уходят в плоть. Это выходит далеко за пределы моей подготовки.

– Что говоришь, тенедевушка?

– Говорю, что я тебе не девушка.

– Давай теперь поиграем в политкорректность. Расслабься.

И я сказала ему:

– Цветы пустили корни у него в горле.

– На редкость поганое дело. Пахнет очень плохо для опытного нюха. Глянь сюда, Сивилла... – Произнеся мое имя, он махнул в сторону такси. – Посмотри на счетчик.

Я заглянула в такси. Окно водителя было разбито, повсюду по двери и капоту расплылись жирные пятна. Я мазнула по одному пальцем и понюхала.

– Зомбачие соки, точно? – сказал Зеро. – Похоже, он ссаживал пассажира.

Потом я увидела тариф, светящийся кислотно-желтым.

– Откуда он ехал? – спросила я. – Из Австралии?

– Гораздо дальше, Дымка, – ответил Зеро, шедший к багажнику. – Пес, должно быть, вез пассажира из Лимбо. Видать, подцепил нехороших зомби. Зарегистрирован груз в багажнике.

– Ты уже проверил?

Он помотал головой, вытащил тюбик ваза, выдавил немножко в замок и принялся ковыряться там своим коповским ключом, пока крышка багажника медленно не поползла вверх. Внутри оказалось пусто.

- Он провез одного. НПС.
- Зомби?
- Он еще жив, Зеро. Там не было его последних мыслей.

– Зомби. Отлично. Молодец, Сивилла. Зомби убил Койота. Лучше и быть не могло. У нас тут настоящий уличный герой, убитый НПС. В том состоянии, в котором сейчас пребывает Боттлтаун, любой другой вариант, вариант с участием тени, наверняка приведет к очередному бунту. Наверное, надо вызвать зомби-бригаду, пускай эти мусорщики разбираются дальше.

Плотские копы чихали и смеялись по очереди. Дело стало чепуховым. Зомби пользовались популярностью у публики, потому что в обязательном порядке были страшными и агрессивными, и такой образ существа, рожденного от безнадежного союза живущего и трупа, в те дни еще не умер. По сути, для копов они были досадной помехой: иногда приходилось их зачищать, как мусор на муниципальной дороге. За пределами Лимбо, особенно при дневном свете, зомби были слабаками – это был парадокс их стопных путешествий.

Зеро сунул виртовое копоперо в рот, чтобы напрямую поговорить с главным инспектором Кречером. А для меня, безвиртовой, все это было тишиной – просто счастливое выражение лица Зеро, когда он докладывал новости боссу, который наверняка держал за руку жену в момент родов.

Все, что мне оставалось, – смотреть и дрожать от непричастности. Предсмертное сообщение Койота снова и снова крутится у меня в голове, рисует узоры. Теневые узоры... это имя, которое он произнес в конце... «...подумай обо мне, Бода... спой ту песню еще разок...»

Зеро достал перо изо рта и начал рычать на плотских копов.

– Давайте, убирайте всё здесь. Конец кина. Копы уже были по уши в процессе, приказывали толпе псов очистить место происшествия, Мол, игры закончились.

– Зеро, это по уму? – сказала я.

– Какие проблемы, Дымка?

– Думаю, решение преждевременно.

– Испытай как-нибудь меня в постели, тогда и поговорим о преждевременном.

– А что насчет цветов?

– Зомби их туда засунул. Койот посадил зомби. Зомби убил его и засунул цветы в рот.

– Так глубоко?

– Черт, я же не знаю, как работают эти зомби. Может, они у себя там в Лимбо осваивают всякие полезные навыки. А что им там еще делать?

Не обращая на меня внимания, он начал орать каким-то вуайеристам, чтобы те убрались домой. – А что будем делать с Бодой? – спросила я.

– Кречер вполне доволен вариантом с зомби. И я совершенно согласен с шефом. – Зеро зарычал на толпу собак за лентой.

– Что со вскрытием?

– Естественно. Я договорился с робо-Шкурником на завтра.

– Завтра?

– Думаешь, это самая важная смерть в городе, Дымка? Слушай, у меня на руках уже случай исчезновения. Сегодня утром Вирт украл единственного сына инспектора из Соцкорма. Расследование ведет полицейский Голубь. Может, мне не стоит ему помогать? Еще надо организовать патрулирование Боттлтауна. Кречер приказал мне затаптывать все искры. Хватит бунтов. Все ясно? – Он повернулся к бригаде. – Ладно, господа, оставляю вас разгребать говно.

Я оказалась в одиночестве внутри круга полицейских. Тело Койота лежало в полуметре от меня. Вырванный пучок цветов валялся на тротуаре. Плотский коп небрежно сгреб их в пакет для вещдоков. Один из цветков остался на тротуаре, дождь смывал лепестки, желтые крупинки смешивались с водой, и в моей голове крутились разные упрямые мысли.

Мне было тридцать шесть лет.

Дни работы в полиции. Дни сока и дыма, тумана и мяса. Дни чудес и путешествий. Дни воздуха.

Все ушло, ничего не осталось...

Водитель икс-кеба Бода едет назад в Манчестер, только что сделав отличную езду в Боттлтаун. Время 6:01, день тот же. Несколько минут назад у нее были проблемы: На Клермонт-роуд за Александра-парк с боковой улицы вынырнула коповозка, летела, как доза «бумера» в мозг. Фургон был радужно-фиолетовый, с зеркальными стеклами, на боку – коповский логотип: искрящаяся карта Манчестера в рамке наручников. Он подрезал ее, вынудив грубо вылететь на тротуар, и Бода выпустила серпы. Она знала, что, по идее, копы и такси должны работать вместе на благо общества, и поэтому выставила лезвия на ласковое касание. Копы даже и не почувствовали, как на их фиолетовом рисунке появились пять аккуратных полос. Хорошо, ребятам будет чем заняться, когда кончится смена. Потом Бода попросила у Тошки бумерное ускорение, ушла от копов в точку, и вот она снова королева дороги.

– Хорошая работа, Тошка, – сказала Бода своей машине, и по ее такси-визору пробежали слова «ЭТО ЧАСТЬ СЕРВИСА, РОДНАЯ». Бода – ее икс-кебберское имя. Сокращение от Боадичея (Боадичея – королева древних бриттов. Около 60 года н. э. возглавила восстание против римлян).

Так же как Тошка – сокращение от Фазтон. Драйверы обязаны отдать все свое имущество, свои волосы – воспоминания и сокровища, когда присоединяются к Улью. Их дотаксишная жизнь исчезает в шлейфе дорожной пыли, и одно из сокровищ, которым приходится жертвовать, – свое настоящее имя, имя, данное родителями. Бода – не то имя, для которого она родилась, но другого она не знает.

Фазтон Боадичеи едет сквозь волны Манчестера, изготовленные на заказ лезвия скользят назад в карманы.

Теперь Уилмслоу-роуд, обратно в город.

Оксфорд-роуд.

6:05.

Тот самый миг, когда мимо нее проезжает Койот в своей прекрасной черной машине. «Королевский драйв, парень», – шлет она ему, даже не зная, сумеет Ли передать это чувство. Но из головы пса приходит какой-то смутный ответ, что-то насчет девочки Персефоны на борту, так что Бода шлет ему снова: «Хороший заход в Лимбо, Кой». Ему досталось лучшее, что у нее было, – песня дороги. Романтическая чушь, естественно. Но что за черт, ведь она же чувствует себя отлично?

На такси-волне появляется Колумб.

КОНЧАЙ ПЕТЬ, ДРАЙВЕР БОДА.

И Бода прекратила, как всегда прекращала, когда Колумб появлялся онлайн.

ТЫ КАК, СОБИРАЕШЬСЯ СЕГОДНЯ ЕЩЕ ЗАЕХАТЬ НА СТОЯНКУ СЕНТ-ЭНН, ДРАЙВЕР? МОЖЕТ, СУМЕЕШЬ СДЕЛАТЬ ЕЩЕ ОДНУ-ДВЕ ЕЗДКИ?

– Будет сделано, Колумб, – отвечает Бода. На часах 6:12. Бода подключается к базе на стоянке Сент-Энн и сразу же обретает новую цель: несложный заход – отвезти одну робостерву домой в Чеддертаун после ночной «бумер»-сессии. Она рассказывала о ней так, что Боду тоже захотелось принять эту сладкую дурь. Может, попозже... с Койотом на хвосте? Точно, надо попробовать. Бода доставляет пассажира, на обратном пути подбирает другого; какой-то безумный хиппи-пес хочет пораньше включиться в вирт-конвент. Ее неудержимо влечет к Койоту, просто от запаха с заднего сиденья. Бедный пес! Несмотря на это, путешествие вышло легким, блестящим и гладким, никаких проблем. Ну, почти никаких. На обратном пути к днищу такси прилепился комочек какой-то дряни: хитрый путешественник решил проехаться на халяву в Манчестер. Вот что погано в пригородных поездках: некоторые малые зомби умудрились добраться аж сюда. Теперь один из них считал, что классно уцепился и дальше домчится

с ветерком; но о чем он точно надумал, так это о икс-кебберской мониторинговой системе. На панели зажглась красная лампочка, и в кеб-глазах Боды всплыли слова «ПРОНИКНОВЕНИЕ В СИСТЕМУ».

«МЕСТО ПРОНИКНОВЕНИЯ... ТУРБОПРОВОД. НАРУШИТЕЛЬ... НЕОПОЗНАННОЕ ПОЛУМЕРТВОЕ СУЩЕСТВО. УНИЧТОЖАТЬ, ДРАЙВЕР?»

Бода подумала: да, конечно, конечно, надо уничтожить: «Сделай все как надо, Тошка, малыш».

ПРОЦЕДУРА УНИЧТОЖЕНИЯ НАЧАТА.

– Возможна тряска, пассажир, – говорит Бода вслух. Ее голос подхватывается внутренней системой и транслируется назад, герметично закрытому хипу. – Без паники.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОИСХОДИТ.

Машина на мгновение становится огненно-красной: поток движется к турбопроводу. Тысяча вольт злости, Бода переключается на заднюю камеру. Видит вопящий комок цвета дерьма, его жалкие клешни прожарены до корочки. Похоже, какая-то бездомная призрачная кошка изо всех сил цепляется за драгоценную пушистую жизнь. Потом неопрятная сосулька отваливается в пригородное небытие, подпрыгивая, как мячик на бетоне.

– Подавись, блядский зомби!

СИСТЕМА ОЧИЩЕНА, ДРАЙВЕР.

– Еще бы! Погнали.

И они едут по дорогам, Бода и Тошка, драйвер и кеб, слившиеся воедино. Она отслеживает движение, слушает радио, но на самом деле Тошка едет сам; Бода слишком занята мыслями о Койоте. Водитель черного такси вошел в ее жизнь три недели назад, в «Соловьином кафе», где таксисты отдыхали после работы. Койот ходил туда нечасто, потому что иксеры смотрели на него с подозрением, но в этот вечер он пришел, и они с Бодой разговорились. На самом деле они пошли гораздо дальше слов; просто лукаво смотрели друг другу в глаза, понимаешь? Бода еще не была уверена, но ей казалось, что между ними рождается что-то хорошее. Что-то, чего иксерам не позволялось, особенно с драйвером черного такси. Иксеры должны жениться на других иксерах. Это был их способ хранить генную чистоту. Колумб очень жестко сообщил ей, что она была на волосок от уничтожения. Бода не слушала. Как она могла слушать? Все это ее слишком затягивало, особенно когда Койот сказал ей, что не раз видел Колумба в Реале. Никто из драйверов понятия не имел, кто такой Колумб, ни даже как он выглядит, и Боду ужасно хотелось что-нибудь о нем узнать. Койот только намекнул на более глубокие тайны, но сам факт, что он свободнее Боды, разжигал ее желание. Она встречалась с ним еще четыре раза, и во второй раз почувствовала, как мысли перетекают из ее сознания в его, как будто в ней жила Тень. «Господи-такси! Что со мной такое?» – так думала Бода рядом с плотью собакопарня. Это было уже слишком. Койот отвечал на ее тайный шепот, как будто они соединились сознаниями. И когда они встречались в последний раз, две ночи назад, она дала ему наводку на заказ в Лимбо. Икс-кебам запрещено ездить за пределы города. Внутренняя карта обрывалась на границах городского массива, и знание исчезало там, за Приграничем, так что ни один иксер не мог проехать дальше. Чтобы отпраздновать этот заказ, они поцеловались над столиком с двумя полупустыми чашками «елейного сока», и поцелуй был таким сочным, полным обещаний. В ту ночь Бода не могла заснуть от мыслей. Может, этот таксопес заберет ее куда-нибудь в прекрасное далеко.

Боду восемнадцать лет, у нее есть парочка бойфрендов, пока ничего особенного; она просто готовится к будущему счастью. Она зажигает «напалм» от прикуривателя. Надпись на пачке гласит: «КУРЕНИЕ ВЕЛИКОЛЕПНО ПОСЛЕ СЕКСА – ОФИЦИАЛЬНАЯ ЛЮБОВНИЦА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».

7:04.

Бода достается еще один заказ – легкие деньги, и на обратном пути в Манчестер она настраивается на пиратскую волну...

– Тяжелый скачок в хипповские ноздри, просто беспрецедентный. Гамбо Йо-Йо уже чихает. Мои цветы тянутся к ветру, чтобы отдать запах будущего... будущего взрыва носов. Хватайте аллергические респираторы Старого Гамбо, мои детки; отправляемся в суровую поездку сквозь облака пыльцы. Последний раз нам так жестоко дали по носу во времена Плодородия 10, когда летучие семена подарили нам содержание пыльцы 862 – самое высокое в истории Манчестера. Гамбо Йо-Йо считает, что у нас все шансы побить этот рекорд. Может, Джон Берликорн решил добавить огонька? И помните, не верьте властям: только у Гамбо правильное мнение. Содержание пыльцы 125 и растет...

Вот Бода ждет очередной работы. 7:29. Стоянка Сент-Энн, десяток машин в ряд, некоторые стоят минут по пятнадцать от следующей поездки. Она выходит из машины и идет к третьему в очереди.

Бода, ты идешь, длинная и летящая, словно ангел с крылами дыма. И выглядишь ты – волосы сострижены до самого корня, на черепе лазерная татуировка черно-белых скрученных улиц. Ходячий атлас блаженства – имя тебе, одетая в хабэ и фетр, кружева и поливинилхлорид. Вазбутовые кеды на ногах, и широкий кушак обвивается вокруг твоей талии. Вельветовый рюкзачок, изящно повисший на одном плече, вмещает весь твой мир: твою древнюю карту Манчестера, и твою вязаную шапочку, и твои деньги, и твою лицензию, и твои сигареты.

Третий в очереди – Роберман. Роберман – гладкий и лоснящийся робопес, от рождения Доберман Пинчер, но все ребята зовут его Роберманом, потому что он Роберман и есть. В нем ни следа человека, он – смесь собачьего мяса и инфы, плотно упакованная в оболочку из мышц и пластика. Такую смесь геномеханики называют хардвером. Да, в нем нет ни капли человека, но иногда псы бывают человечнее, чем люди. Его наняли иксером ради его собачьего знания темных улиц. Большинство ребят на стоянке не заговаривают с Бодой, потому что ее считают слишком нелюдимой, слишком замкнутой, слишком перекрученной, чтобы с ней связываться. Роберман не такой. Он выдает длинную серию низких рычаний, ни одно из которых Бода не понимает, но слезы в глазах Робермана рассказывают все, что надо. Она кладет левую руку на дверь его кеба; это все, что нужно, чтобы подключиться к системе. Голос Робермана звучит из колонок, его резкий вой транслятор переводит на английский все ради удобства нервных пассажиров. Эта опция незаменима, если драйвер и пассажир принадлежат к разным расам.

– Слышала плохие новости, Бода? – объявляет войс-бокс.

– Только что вернулась. Что случилось?

– Они убили драйвера.

– Черт. Которого?

Забрать жизнь драйвера считается на улицах очень крутым поступком, потому что у них отличная защита. И потому что обладание икс-кебом – приз, за который не жалко и убить.

– Не одного из наших, – давится словами Роберман.

– Не иксера?

– Контрабандиста-пса.

– Пса-драйвера?

– Черно-белого.

– Койота?

– Сделал неудачную езду к Александра-парк.

– Койот... о Господи...

Бода смотрит вверх и вниз по улице, ищет утешения. Ничего не находит. Ничего хорошего. Только ветер и дождь...

– Ты нормально, Бода? – спрашивает Роберман.

– Да... да, конечно... я... кто это сделал, Робер?

– Копы чуют хуй.

Что значит «копы не знают ни хуя», но она уже не слушает. Конечно, одна рука крепко держится за машину, но другая рука зачем-то трет лицо.

– Ты уверена, Бода нормально? – задает вопрос Роберман.

– Бода нормально, – отвечает она, заставив свой голос хоть как-то звучать. Но все, о чем она может думать, – это человекопес, водитель черного такси. Просто последний в своем роде. Просто красота его существования: ушла в никуда. Просто возможный отличный любовник, каких у нее еще не было. И она даже не...

– Псы точно используют этот повод. Будут проблемы.

Роберман обращается к ней. Дождь падает волнами тупой боли. Бода, у тебя нет ответа. Только искрящаяся масса церкви Сент-Энн перед глазами и видение: Койот последний раз машет рукой, проезжая мимо в своем милом черном такси.

Роберман жестоко чихает, словно к его ноздрям подключился весь мир. Любовная песня такси гаснет в сердце Боды, и дождь падает на ее куртку Официального манчестерского клуба болельщиков виртбола. Койот пригласил ее на игру, подарил ей билет на полуфинал, через четыре дня.

Теперь она пропустит эту игру.

– Роберман, мы вывели Койота на этот заказ.

– Не говори мне об этом.

– Роберман, это наша вина. Он подобрал в Лимбо девочку по имени Персефона. Вез ее в Алекс-парк. Может, этот заказ стоил ему жизни.

– Прошу, Бода, я правда не хочу ничего знать. Роберман, произносящий эти слова, кажется, испуган.

Ровно в этот момент, в 7:34, король икс-кебов Колумб слушает кеб-волну. Он слышит, как драйвер Бода называет Роберману имя Персефоны.

КЕБ-БЛЯ!

Неожиданно Колумбу становится страшно. Один процент человека включается в игру, побеждая вирт-логику. Драйвер Бода, наверное, обсуждала с Койотом заказ. Бода знает о госте. Она знает, что Койот довез Персефону до Александра-парка. Что он может сделать в изменившейся ситуации? Ему надо вывести Боду за скобки уравнения.

Меньше чем за мгновение Колумб взвесил все варианты и сделал тайный звонок. Потом он вернулся на кеб-волну...

Колумб появляется на линии, вмешиваясь в поток между Бодой и Роберманом.

ДРАЙВЕР БОДА, НА ОДНО СЛОВО, – говорит он.

– Свич? – Бода едва видит вызов босса из-за слез.

ДЛЯ ТЕБЯ ЕСТЬ ЗАКАЗ.

– Свич, я чувствую...

ЗАКАЗ ПРИШЕЛ НА ТВОЕ ИМЯ. ДУМАЮ, У ТЕБЯ ЗАВЕЛСЯ ПОКЛОННИК, МИСТЕР ДЕВИЛЬ. ЗНАЕШЬ ТАКОГО?

– Нет, я...

ЗАБЕРЕШЬ ЕГО НА ГАЙД-РОУД, АРДВИК. ВЫСАДИШЬ НА ДАКИНФИЛД. БУДЬ ОСТОРОЖНЕЕ В АРДВИКЕ. ТАМ НЕ СЛИШКОМ ВЕСЕЛО В ЭТО ВРЕМЯ СУТОК.

– Не думаю, что смогу...

ТЫ ИКСЕР.

– Мне просто рассказали плохие новости, Свич. Голос Боды сух. Она пока еще не может осознать потерю.

ДОЛЖЕН ЛИ Я НАПОМНИТЬ ТЕБЕ О ПУНКТЕ 7.2 В ДРАЙВЕРСКОМ КОНТРАКТЕ, КОТОРЫЙ ГЛАСИТ, ЧТО ВСЕ ДРАЙВЕРЫ ДОЛЖНЫ...

– Я в курсе, что он гласит.

ЧТО С ТОБОЙ, БОАДИЦЕЯ? ТЫ СХОДИШЬ С УМА?

– Уже еду. Так лучше? Я уже почти на месте. Бода забирается обратно в Тошку и запускает двигатель; ее руки пляшут по панели управления.

РАД ВИДЕТЬ ТЕБЯ ОНЛАЙН, ДРАЙВЕР.

Колумб растворился. Голос Тошки прокручивается вверх, заменяя его. Поездка начинается.

КУДА ЕДЕМ, БОДА?

– Гайд-роуд.

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ?

– Пиздуй бля, давай!

Тошка уходит в тишину. Машина тоскливо едет.

Бода просто хочет ехать; она хочет уехать от всего мира...

Но добирается она только до Ардвика, где восходящее солнце бросает яркие отблески на мертвую землю вокруг скопления заброшенных заводов. В обозначенной точке посадки ее ждет мужчина. Кроме него, в пределах видимости никого нет, и он настолько худ, что Боде приходится посмотреть дважды, прежде чем она замечает его. Незнакомая фигура, она никогда раньше его не возила. Она останавливает Тошку и говорит через систему кеба:

– Девиль?

Мужчина кивает. Кажется, он нервничает, непонятно почему.

– Залезай.

Пассажир пристраивает свою костистую фигуру на заднее сиденье. Бода видит лежащий на приборной панели билет на виртбол, подарок Койота. Она заводит двигатель. Тошка откликается тяжело, выходит только медленное «чух-чух-чух».

– Тошка, что такое?

НЕ ЗНАЮ, БОДА. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ БОЛЬНЫМ.

– Чего?

ЧУВСТВУЮ, ЧТО ТЕРЯЮ СИЛЫ...

– Да ладно тебе.

Бода слышит, как скользит вниз пассажирское окно.

– Вот тут отлично, – говорит пассажир.

– Я не в настроении играть.

Бода поворачивается и видит, как открывается окно между ней и пассажиром. Пассажир улыбается ей. Бода жмет оконную кнопку, но ничего не выходит. Окно уже раскрылось до конца. Бода снова поворачивается назад.

Пассажир держит пистолет на уровне ее головы. Велит ей остановить такси. Бода отказывается, поворачивается к приборной панели, вызывает Свича...

ЧТО ТАКОЕ?

– У меня на борту маньяк, Колумб.

ОХ, МИЛАЯ.

– Ты проверил этого парня?

ТЫ ЗНАЕШЬ ПРОЦЕДУРУ, ДРАЙВЕР. АКТИВИРУЙ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ.

Бода нажимает на Тошкину шоковую кнопку, направляя в пассажирский отсек едкую жидкость. Ничего не происходит. Пассажир просто сидит себе, лыбится, пистолет в руке направлен точно и ровно.

– Что случилось, Тошка?

НИЧЕГО НЕ МОГУ ПОДЕЛАТЬ, БОДА, – говорит такси.

– Что?

КОЛУМБ СДЕРЖИВАЕТ МЕНЯ.

Голос Тошки растворяется во тьме. Пассажир давит пистолетом ей на шею.

– Зачем ты это делаешь? – спрашивает она, пытаясь контролировать свой голос.

– Молчать!

– Колумб, что тут происходит?

Колумб не отвечает. Первый раз в жизни Колумб не отвечает. Глаза Боды застывают на билете на виртбол, словно тот спасет от неприятностей. Она касается его. Кажется, что она касается Койота.

Бода хватается билет, и...

И пассажир нажимает на спусковой крючок. Голова Боды чуть-чуть уходит вбок из-за ее рывка к билету. Пуля прокладывает путь у нее над ухом, по татуированной карте. Продолжая путешествие, она влетает в ветровое стекло. Стекло покрывается паутиной трещин. Аварийные действия. Тошка внезапно срывается в движение. Ускорением пассажира и Боду отбрасывает назад. Тошка бросается вперед, делая жестокий U-образный разворот. Голова пассажира встречается с окном, пистолет падает из рук.

– Тошка? Что случилось?

СВАЛИВАЕМ ОТСЮДА! ДЕРЖИСЬ, – отвечает кеб.

Пассажирское стекло поднимается, и кеб ускоряется по Гайд-роуд, налево к Брунвику. Пассажира отбрасывает назад, теперь он заперт в пространстве машины. Бода возвращает руки на руль. На связи появляется Колумб. Он кричит:

БОАДИЦЕЯ, ЧТО ТЫ ТВОРИШЬ?

– А какого хуя ты творишь?

ВЫШЛО КАКОЕ-ТО НЕДОРАЗУМЕНИЕ.

– Это точно.

ДРАЙВЕР БОДА. ПОЖАЛУЙСТА, ОБЪЯСНИТЕСЬ.

– У меня новый заказ, Колумб.

ОТВЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ. ЗАКАЗ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН. ПОЖАЛУЙСТА, ОБЪЯСНИТЕСЬ.

– Я сажаю пассажира.

ВЫЗОВ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН. ОБЪЯСНИТЕСЬ.

– Пошел в пизду.

ЗАКАЗА НЕТ, БОДА. ТЫ МЕНЯ ВОСПРИНИМАЕШЬ?

Выбора нет.

Выбора нет ни для драйвера, ни для карты.

Пассажира по имени Девиль мотает по закрытому отсеку, и быстрый правый поворот на Аппер Брук-стрит снова посылает его в полет. Машина опасно разгоняется по улице, и Тошка выводит на визор:

БОДА, ОТПУСТИ МЕНЯ, ПОЖАЛУЙСТА. ПЕРЕСТАНЬ КОПАТЬСЯ ПОД ПАНЕЛЮ. УБЕРИ РУКИ ОТ ШЕСТНАДЦАТИ ШТЕКЕРОВ ПОД ПАНЕЛЮ.

– Что?

ПОД МОЕЙ ПАНЕЛЮ ШЕСТНАДЦАТЬ ШТЕКЕРОВ. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ВЫКЛЮЧАЙ ИХ.

– Я ничего не трогаю.

Глазами она снова впилась в дорогу, но через каждые две секунды отрывается посмотреть, как там дела у пассажира. Он выглядит как умирающая рыба под стеклом.

ЛУЧШЕ НЕ ВЫКЛЮЧАЙ ЭТИ ШТЕКЕРЫ, БОДА, ПОТОМУ ЧТО ЧЕРЕЗ НИХ К ТЕБЕ КОННЕКТИТСЯ СВИЧ. ТЫ ЖЕ НЕ ХОЧЕШЬ ОСТАТЬСЯ БЕЗ КОЛУМБА?

– А что будет с тобой?

НЕ ПЕРЕЖИВАЙ ЗА МЕНЯ.

Колумб появляется онлайн, в системе пылают его слова:

ТЫ ЧТО, ОПОЛОУМЕЛ, ИКС-КЕБ ФАЭТОН? ПО СВАЛКЕ СКУЧАЕШЬ?

ДЕЛАЮ, ЧТО МОГУ, КОЛУМБ. ВСЕ, НА ЧТО Я ТОЛЬКО СПОСОБЕН.

Бода улыбается.

– Я в деле, Тошка.

Она тянется вниз, под панель, где к машине подключены системные провода. Отсоединяет первый. Тошка кричит, и Бода отдергивает руки от панели, ХОРОШИЙ ДРАЙВЕР, – говорит Колумб. – ДАВАЙ НЕ БУДЕМ ДУРИТЬ.

Но его голос дрожит, Бода это чувствует. Она снова тянется под панель за вторым штекером, настраиваясь на гонку на ручном управлении. Фаэтон зовет ее на убывающих волнах, его голос все темнее и темнее, буквы исчезают с ее такси-визора.

НЕ ВОЛНУЙСЯ ЗА МЕНЯ... БОДА... ТЫ ЖЕ НЕ БУДЕШЬ... БОДА... НЕ... НЕ ВОЛНУЙСЯ... НЕ...

Не обращая внимания на тающий голос, хотя он ее просто убивает, она отключает девятый разъем. Тут на сцене снова появляется Колумб.

ЛАДНО, БОДА. ДАВАЙ РАЗМЫШЛЯТЬ СПОКОЙНО. ЭТОТ ФАЭТОН ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ.

– Поживем – увидим. Тринадцатый штекер.

ТЫ НЕ ОСТАВЛЯЕШЬ МНЕ ВЫБОРА.

– Да ну? Четырнадцатый штекер.

БОАДИЦЕЯ ДЖОНС, ОТНЫНЕ ТЫ УДАЛЕНА ИЗ СПИСКОВ ОСОБО ДОВЕРЕННОГО ПЕРСОНАЛА ТРАНСПОРТНОЙ КОМПАНИИ. ВСЕ НЕВЫПЛАЧЕННОЕ ЖАЛОВАНИЕ НЕМЕДЛЕННО БУДЕТ ПЕРЕЧИСЛЕНО В ТВОЮ СИСТЕМУ.

Бода видит на своем счетчике грустно светящиеся голубым 227.60.

Пятнадцатый штекер...

ПРОЩАЙ, ДРАЙВЕР БОДА. ПРИЯТНО БЫЛО С ТОБОЙ РАБОТАТЬ.

Прощальные слова Колумба повторяет эхом слабеющий голос Тошки...

ПРОЩАЙ... БОДА... ПРИЯТНО БЫЛО... РАБОТАТЬ... МОЖЕТ, ПОСЛЕДНИЙ ШОК ПЕРЕД ТЕМ, КАК Я ИСЧЕЗНУ?

Бода включает шокер в пассажирском отсеке. Оглушающее напряжение. Машина вспыхивает. Когда в пассажира вонзается молния, он вскрикивает, а потом падает, гаснет...

ПРИЯТНО БЫЛО РАБОТАТЬ С ТОБОЙ... РАБОТАТЬ С ТОБОЙ... ПРИЯТНО...

Фаэтон скользит и останавливается. Треснувшее лобовое стекло ослеплено дождем! Сверху на бетонных колоннах тянется Манкуниан-вей. Машины разгоняются. Бода вытягивает шестнадцатый и последний штекер.

Бода – хозяйка машины. Одна-единственная.

Время 7:42, и с манчестерской картой что-то творится. Все дороги в икс-кеб-системе скрутились в тугие петли, привычные переходы разорваны, всюду новые формы. В системе находилось две тысячи машин, связанных друг с другом. Теперь там осталось тысяча девятьсот девяносто девять разорванных связей. Такую мутацию вызвало исчезновение из Улья одной-единственной машины, потому что часть – это целое. Система целостной структуры. Иксеры по всему городу думали, что приехали по нужному адресу, но на них градом сыпались жалобы и отказы платить, потому что такси оказывалось в неправильном месте. Колумб чуть не тронулся от растерянности: он не знал, что делать дальше. Он заболел. Словно в его теле поселился вирус. Эта тварь Бода вышла из Улья. Еще никто так не делал. Колумб уже в убытках, за несколько минут девяносто семь входящих жалоб. На икс-кебы никогда не жалуются! Господи-такси! Колумб оказался перегружен, он чувствовал, что сам виноват во всех проблемах. Если бы он не попытался избавиться от Боды! Если бы не позволил своему одному проценту человека принимать решения! Невзирая на опасения, он выводит онлайн видимость своей прежней сущности. У него есть сохраненная карта, слава Берликорну, но доступ к ней – вопрос времени, которого нет. Он уже начал процесс, одновременно лично отвечая на все жалобы. На

загрузку новой карты ушло даже меньше пятнадцати минут. Это была старая копия, наследие первых иксерских лет, и в ней полно пробелов и ошибок. Ничего, пока потянет.

Когда старая карта установлена и запущена, он вызывает все такси и говорит им, что можно снова развозить пассажиров, а потом объявляет, что сегодня будет день нулевой таксы; каждый может бесплатно проехать куда пожелает. Никаких платежей делать не надо. Возмещение ущерба по инструкции Свича. И когда все это сделано, он вызывает свободные такси и отправляет их искать беглого драйвера. Колумб не слишком переживает из-за Боды, но машину он хочет вернуть. Кеб по имени Фаэтон – часть системы, жизненно важный орган тела икс-кеба. Новая карта, которую он планирует, будет бесполезна, пока он не обретет целостность.

БЛЯ! ПОЧЕМУ Я ДАЛ ЭТОЙ СУКЕ...

Колумб ненавидит злость, она слишком отдает человеческим поведением. Еще ничего не кончено. У него всего шесть дней до того, как из Вирта придет новая карта. Персефона – скороцвет. Шесть дней, за которые надо найти потерянную машину и заткнуть рот Боду.

Раз и навсегда.

ЧЕРТОВ ИМБЕЦИЛ-УБИЙЦА! ГОСПОДИ-ТАКСИ! ОН ДОЛЖЕН БЫЛ УБИТЬ ЕЕ, А НЕ ОТКРЫТЬ ЕЙ ДОРОГУ ИЗ КАРТЫ!

На этом проблемы не кончаются: теперь, когда Фаэтон вышел из икс-кеб-системы, он стал просто еще одной машиной на дороге. Свич может отследить машину в городе, но не может говорить с ней. Не может управлять ею. Фаэтон стал свободным радикалом. Мавериком. Естественно, местонахождение машины известно: пересечение Аппер Брук-стрит и Манкуниан-вей. Колумб послал туда четыре машины. И у него еще есть адрес Боды в базе: Дадлироуд, Уоллей Рендж. Туда он шлет еще две машины – держать это место. Еще три машины – к Александра-парк, на случай если Бода решит посетить последнюю точку прибытия черного таксиста.

Все точки накрыты, Боду загоняют, но в глубине своих перекрестков Колумб чувствует, как потеря разъедает его дорожную душу.

Бода вытаскивает бесчувственное тело пассажира из отсека, потом снова забирается в Тошку. Она колдует над управлением, и в конце концов машина трогается. Дорога отстойная, машина под ее пальцами мотается, как голова больного. Только проехав пятьдесят метров, Бода понимает, что не знает, где находится.

Словно бродяга только что приехал в новый город – внутренняя карта Боды мертва и похоронена. Первый раз за девять лет она заблудилась. Потерявшаяся девочка. И от этого ощущения дрожат руки на баранке. Она поворачивает машину на боковую улицу и останавливается. Она пытается понять, что это значит, но в ее мозгу нет знания. Нет вариантов. Карта на голове болит там, где ее процарапала пуля, и она трет раненые улицы. На пальцах кровь. Слабый свет на лобовом стекле и дрожащие слова:

ОПЯТЬ ПРИВЕТ, БОДА. ХА-ХА-ХА.

– Тошка! Это ты?!

ТЫ ОТ МЕНЯ ТАК ПРОСТО НЕ ОТДЕЛАЕШЬСЯ. ПОЕХАЛИ, ДЕТКА, По ее лицу пробегает улыбка; без ее кеба иксеры в Улье тоже потеряют ориентацию. Наверняка Колумб раздобудет резервную копию, но пока Бода может спокойно путешествовать. Может, у нее есть всего несколько минут, но больше ей и не надо. Забыв о боли, Бода тянется за своим рюкзаком и достает оттуда потертый, древний атлас Манчестера. Находит в содержании Клоук-стрит, определяет свое местоположение, а потом просматривает первые страницы с общей картой Манчестера. Ее глаза останавливаются на месте под названием Уоллей Рендж. Рождается связь. Ее дом. Ее маленькая комнатка с плакатами Кида Блисса и разбитыми бутылками из-под «бумера». Через пятнадцать секунд она разворачивает кеб и едет назад, по Манкуниан-вей к Уоллей Рендж. Она не знает пути даже от А до Б, не говоря уже об от А до Я, но с картой, поло-

женной на панель, она наверняка найдет нужную дорогу. У нее в голове звучит голос Тошки, как он умудрился это сделать?

У НАС ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ, БОДА.

– Надеюсь.

– СПОКОЙНО, СПОКОЙНО.

Тошка едет сам, вперед по улице, вираж за виражом.

В воздухе что-то, что Бода никак не может опознать, присутствие чего-то тяжелого смешивается с ее болью. Хорлтон-роуд, в пределах видимости гонятся за ней четыре икс-кеба. Руки по-прежнему лежат на руле, но в носу начинает свербеть, на глаза наворачиваются слезы. Запах цветов идет войной на ее ноздри. Она хочет чихнуть. Это словно заряд пороха, забитый в нос...

Вот сейчас... Но ощущение спадает, и Бода остается опустошенная, полная неутоленных желаний и размышлений о том, что скажет следующий знак.

Она делает головоломный поворот на Стретфорд-роуд. Первый икс-кеб пролетает перекресток, но остальные три легко проходят кривую. Со Стретфорда она уходит на Генриетту. Дорога к Сент-Джону – сзади троица икс-кебов: отец, сын и святой дух ее прошлой жизни. Взгляд Боды мечется туда-сюда: с дороги в зеркало, с зеркала в атлас. Первый икс-кеб толкает ее в задний бампер, когда они едут по Рассел-роуд, а потом сразу на Дадли, где она живет. Запах цветов льется из местного сада.

Бода еще раз пытается чихнуть. Сейчас... Сейчас...

Цветы на дожде.

Она хочет...

Чихай!

Чихай!!!

«Давай же, сволочь! Фигачь! Давай!»

Ничего. Не получается. Совсем погано, никак не чихается.

«Это нечестно».

Бода чувствует себя как неразорвавшаяся бомба.

Она едет по кривой Дадли-роуд, пока на горизонте не показывается ее дом. Два икс-кеба припаркованы перед ее садом. Бода вдавливая ногу в пол кеба. Тошка проносится между двумя машинами, сдирая желтую и черную краску с их боков. Она смотрит в зеркало, как два кеба пытаются сделать U-образный поворот и устраивают кучу малу, врезавшись в предыдущих преследователей. Две машины влетают друг в друга. Бода сворачивает налево – на Колледж-роуд. Направо – на Уитингтон. Жмет кнопку «смертельного ускорения», смотрит в зеркало. Двое еще преследуют ее. Направо на Уилбрехэм-роуд. Это быстрый маршрут, Уилбрехэм; Бода оставляет огненные следы, пытаясь удрать от погони. Если честно, она понятия не имеет, где находится и куда дальше ехать. Девочка просто ведет машину. Еще один икс-кеб вылетает с Уилмслоу-роуд и несется ей в лоб. Колумб по всей системе отслеживает ее маршрут. Как можно скрыться от его пристального ока? Бода на волосок поправляет руль. Машина отзывается и срывает икс-кебу крыло. И икс-кеб сминается от удара. Она видит, как остальные машины теряются, пока карта Уля приспособляется к потере. Вот она поворачивает на Кингсвей, где бы он ни был (ее атлас упал с панели во время поворота). Бода Джонс потерялась в деревне под названием Бернэйдж, два икс-кеба все еще отчаянно пытаются догнать ее. Она поворачивает на боковую улочку под названием Кингсвей-креснт, останавливает кеб, активизирует колесные лезвия.

В зеркале заднего вида пляшут икс-кебы. Задним ходом она влетает в передок первого икс-кеба. Милый сердцу скрежет стали по стали, когда она толкает преследователя назад, сцепившись бамперами, – и вот она может снова повернуть на Кингсвей. Бода двумя колесами въезжает на тротуар, сбивает краску с припаркованной машины, одновременно делая два

длинных разреза в шинах икс-кеба. С первым покончено, а второй кеб теряет запал. В машине Боды включается радио. Теперь она едет спокойно. Вниз по Кингсвей. Бездомная. Не имеющая представления, где теперь ее дом.

Шрам на голове пересекает вытатуированную Кингсвей, и дорога, по которой она едет, тоже ранена: куча разбитых машин и горящих домов. Ее разум наконец-то сосредотачивается на предательстве Колумба. «Чего хочет этот пиздюк? Босс пытался убить ее! Что случилось с миром?»

– Спасибо, Ванита, за последние новости. Твой сладкий голос может превратить в песню даже историю смерти. Ну как, плохие новости о такси-псе? Койот погиб, люди. Гамбо не раз и не два ездил на этом прелестном черном такси, когда Волшебный Автобус не работал. Зовите меня старомодным, но один хиппи всегда имел пунктик на тему яркой индивидуальности бунтарей и аутсайдеров. Для меня Койот был героем.

– И для меня, – говорит Бода.

– Езда с ним была гораздо больше похожа на путешествие, чем с этими сверхчистыми и эффективными икс-кебами. У которых, к слову говоря, сегодня маленькие проблемы с большой метакартой.

– Надо думать, Гамбо.

– Я залезу в их карту попозже, чтобы посмотреть, что у них там не так. Ну что, какие сегодня секретные коп-новости? Никаких результатов, как обычно. Да, еще одно замечательное создание приняло бесславную смерть от руки очередного собаконенавистника, а что делают копы? Совершенно ничего. Когда убивают пса, полиция закрывает глаза. Йо-Йо! Койот был отличным экземпляром, и его убийство поднимет высокие волны в собачьем королевстве. Тем временем вернемся в сады: содержание пыльцы мощно скакнуло. 195 и растет. Следующая запись памяти Койота. Пускай он найдет большую кость на собачьих небесах. «День из жизни», «Битлз». Я читаю волну – драйвер-пес был убит в своем черном-пречерном такси. Джон Леннон, как всегда, полностью в теме. Держите, ребята...

Потом звук – «битлы» творят музыку из смерти, а Бода слушает со слезами на глазах и скользит по Кингсвей. В ее сознании снова появляется Тошка:

ПОБЕРЕГИ СЛЕЗЫ, СОЛНЫШКО, – говорит он ей. – НАДО ПРЯТАТЬСЯ.

– Где, например?

Кровь из раны течет с Кингсвей на юг, вниз по шее, в темные зоны ее одежды.

ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДНО БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО, ДРАЙВЕР.

Вторник, 2 мая

Первое движение сканирующего ножа проделало глубокий разрез на левой щеке от уголка губ к мускулам шеи. За ним последовал другой разрез, такой же, но с другой стороны, справа. Звали полицейского доктора робо-Шкурник, и его работа вполне соответствовала имени. Я смотрела, как он срезает одинаковые лоскутки кожи, пока он не зарылся глубоко во внутренности горла жертвы. На экране появилась болезненно яркая абстракция – мышцы гортани и сломанные стебли обосновавшихся там цветов. Стебли плотно забили всю глотку. Шкурник сделал третий разрез, поперек горла слева направо, потом еще один ниже, отыскивая начало. Корень отростков-щупалец находился глубоко внутри.

Шкурник вскрыл черно-белую грудную клетку Койота видеопушкой. Сломал несколько ребер, вытащил наружу, погрузил в тело оба объектива, приласкал стебли – провел по ним телекамерами на пальцах – и отправился дальше, в темноту внутренностей по карте из плоти и крови. Я следила за процессом по мониторам в комнате наблюдения, одновременно проигрывая в памяти последние слова Койота...

«позволь мне спать... спать и расти».

Несколько разрезов глубже, еще глубже – и Шкурник добрался до корней. Они росли в стенки легких плотным клубком, как растительная раковая опухоль.

«...Господи! Языков такой длины просто не бывает!»

Зеро Клегг, песокоп, то и дело вставал, пританцовывал на лапах, натываясь на вещественные доказательства. Таким я его еще не видела. Обычно он наблюдал за вскрытием, как собака за прилавком мясника.

– Пес-Христос! – прорычал он. – Ты посмотри на эти корни, Джонс! – Потом он усмехнулся, как будто уже почувствовал запах смерти, но не собирался ему поддаваться.

– Есть что-нибудь по цветам? – спросила я.

Клегг опускает забрало респиратора, жестоко чихает напоследок и, кривясь, вдыхает фильтрованный воздух.

«...цветы танцуют... танцуют...»

Запах смерти, запах цветов – тесная связь.

– Сивилла, у нас ботаники уже работают сверхурочно. – Снова мое настоящее имя, признак того, что Клегг выбит из колеи, еще не пришел в себя от наблюдений за копаниями Шкурника.

– И?

– Слушай.

Зеро включает запись. Из колонок льется бодрый голос...

«Отчет по образцу 267/54, Джей Лигаль, кафедра ботаники Манчестерского университета. Второе мая, 8:04. Первое, базовые сведения: подвид *Amaranthus Caudatus*. Лепестки ярко-красные, расположение спиральное, собраны в длинные кисточки. Стебель длиной пятьдесят сантиметров. Реакция цветка на тесты адекватная. Второе, дополнительные сведения, строение соцветия. Тычинки тройные. На поверхности пыльников – комочки пыльцы. Очень яркий желтый цвет. Семьдесят пять микрон. Слишком велики для данного вида. Норма – двадцать-сорок. Пылинки слипаются в группы по шесть. Похоже, они движутся. Третье: частицы пыльцы реагируют на электрические импульсы. Избегают боли и опасности. Обнаружены соединения углерода. Какие-то признаки животной жизни? Неизвестная разновидность. Примечание: может, это розыгрыш? Никогда такого не видел. Запросить результаты исследований образца, отправленного Киркпатрик, профессору цитологии университета Глазго. Черт! Пыльца исчезла со стеклышка. Где она? Черт! Она танцует. Примечание: перестать чихать невозможно. Очень жизнеспособное растение. Никогда подобного... Черт! Если мне не пока-

залось, то пыльца движется ко мне. Господи, почему мне всегда достается такая дерьмовая работа?»

Запись завершается оглушительным чиханием.

Появился Шкурник; его камеры залиты слезами и кровью, в металлическом горле отдается чихание. Даже робо страдают. Что же это за аллергия? И почему у меня ее нет? Обычно весна для меня превращается в кошмар. Но теперь все псы и робо вынуждены страдать, а вот у женщины-тени полный иммунитет. Какая-то странная аллергия. А еще я почему-то не могла перестать думать о Бодде, девушке, затерявшейся в предсмертных видениях пса, таксиста с грязных улиц. «Подумай обо мне, Бода... спой ту песню еще разок». Почему эта последняя фраза с такой силой притягивает меня?

– Его убили не зомби, Клегг, – сказала я.

– Ты что, вступила в Общество защиты прав зомби? – Зеро заставил себя унять нервозность.

– Нужно дать знать Крекеру. Потому что тут не зомби, а хрен знает что, – продолжила я.

– Мы должны обставить все именно так.

– Так будет слишком просто, Зеро. Я думаю, нужно поискать улики, связанные с этой Боддой.

– Ты думаешь?

– Зомби не забивают жертве горло цветами.

– Крекер сказал закрывать дело, пока не начался новый собачий бунт.

– Говорю же, нужно продолжать расследование. В городе говорят, что Бода – девушка Койота. Знаешь, что чаще всего убийства совершают любовники?

– Это доказанный факт?

– Зеро, у тебя когда-нибудь была девушка?

– Крекер разрешил выдать тело.

– Что?

– Завтра похороны.

– Клегг, не рановато ли?

– Крекер хочет успокоить псов. А что мне делать, Сивилла? Пойти против босса?

– Слушайся хозяина. Гав-гав!

Клегг выдал свой лучший оскал, но в его колючей Тени ощущалась обида. Напряжение и страх.

Наверное, уже тогда мне стало ясно, что расследованием буду заниматься я одна.

Койот проживал в маленькой квартирке, прилепившейся над рыбо-продуктовым магазином на Ледибарн-лейн, в Фэлоуфилде. Магазин назывался «Бинго Рекс», и пока мы пробирались ко входу, вокруг рычала толпа недовольных парней-псов, а Зеро профессионально огрызнулся в ответ. Бинго оказался жирным, вазоватым женатым псом; он провел нас через сырость комнаты, где одетая в лохмотья весьма человекоподобная жена улыбалась разбитыми губами, погружая кусочки рыбы в емкость с некачественным тестом. Лестница из комнаты вела в темноту с застарелым запахом псины. Зеро зажимал нос, как будто не хотел признавать, что этот запах принадлежит таким же собакам, как он.

– Все нормально, Зеро? – спросила я.

– Конечно, Дымка, – ответил он. – Пошли.

Было почти полтретьего. Сегодняшние газеты и перья уже набросились на происшествие. «Пес-герой убит цветами?», «Убийство на цветочной поляне», «Лепестки смерти».

Заголовки. Хуже всего, что Гамбо Йо-Йо решил им тоже помочь и сейчас издевался над копами, свободно подключаясь к информационной волне. «Цветы Зла» – такое название выбрал Гамбо.

И вот мы – недовольный коп и его Тень – ищем какую-нибудь зацепку. Я не могла не жалеть Зеро, который разрывался между обязанностью делать свое дело и преданностью своему хозяину, Якобу Крекеру. Зеро убеждал меня, что идет просто за компанию, и я, хоть и не верила, все равно была ему благодарна.

Открывается исцарапанная когтями дверь, и вид из нее – сама аккуратность. Недавно вычищенный ковер. Односпальная кровать со свежим бельем. Полка с книгами. Коллекция моделей «Эйрваз» (обыгрывается название авиамоделей Airfix) – все аккуратно собраны и повешены на проволочках к потолку – и огромная ламинированная карта, приколотая к стене.

– Эти комнаты убитых... – сказал Зеро.

– Что с ними? – спросила я.

– Всегда такие пустые, – он выдвигал ящики из буфета. – Ага! – объявил он. – Порнография!

В лапах у Зеро очутилось розовое перо. Он положил его в рот и на долю секунды закрыл глаза. Потом вытащил перо и сказал:

– Хорошее. Человеческое. Никаких сук в течке. У него был хороший вкус.

– Знаешь, Зеро...

– Что?

– Иногда я тебя не понимаю.

– Иногда...

Зеро Клефт посмотрел на меня, как будто хотел сказать: «Иногда я сам себя не понимаю. Так что заткнись на хуй».

В его Тени ощущалась такая горечь, что я решила заняться делом, ради которого мы пришли.

– Давай искать, – сказала я.

Мы вдвоем осматриваем личные вещи псодрайвера в надежде найти след, но тут только разное барахло, оставленное прокатившимся по одинокой жизни пассажиром: крошки печенья, танцующие под потолком самолетики и густой холодный чай в фарфоровой чашке. Раскрытые на середине дешевые детективы на полу у кровати. Программы манчестерского виртбола аккуратно разложены по папкам. На комодке лежит дневник официального члена клуба. Я открыла его, перелистнула последние страницы, увидела имя «Бода» и сразу захлопнула. Опустила дневник в карман, чтобы Зеро не увидел.

– Нашла что-нибудь? – спросил Зеро.

– Нет еще, – соврала я неизвестно почему. Дальше Зеро продолжал поиски улики на зомби-пассажира, потому что ими можно было бы успокоить городских псов, как считал Крекер. Копы все надеялись найти зомби и по-быстрому закрыть дело. Но зомби – не прирожденные убийцы, они лишь отчаянно пытаются выжить. Мир в то время непрерывно балансировал на острие ножа между разными видами. Через окошко над кроватью Койота до меня доносился лай собаколюдей: рычащие голоса, полные ненависти и страха.

– Господи, как я это ненавижу, – сказал Зеро, – эти копания в вещах убитого. Такую тоску наводит! – Он поднял вверх прозрачную пластиковую капсулу.

– Что это? – спросила я.

– Наноблохи.

– Что?

– Робоблохи. Продаются в магазинах для домашних животных. Симбиоз, Дымка. Взаимовыгодное сотрудничество. Не дают собачкам запариветь.

Меня передернуло до самых глубин Тени: до чего дошли собаколюди! Зеро уже отворачивал крышку, и я ни с того ни с сего испугалась. «Не выпускай этих чудовищ из банки!» Ну что тут с собой поделывать?

– Посмотри-ка сюда, Клегг, – сказала я, чтобы отвлечь его. Я изучала большую карту на стене. – Видишь, что тут такое?

– По-моему, какой-то бред. А что скажешь?

– По-моему, места, куда он ездил.

Карта утыкана булавками и исписана фломастером. Это была карта Манчестера с прилегающими областями. Лимбо изображен в виде клубка змей, извивающихся на грязных дорогах.

– Видишь вот здесь? – сказала я, и Зеро подошел ближе. – Здесь Койот забрал пассажира.

Я показала на булавку, одиноко торчащую из карты в Лимбо, за Литтлборо, на северо-востоке от города, где карта плохо прорисована из-за неизвестных районов. Блэкстоун-эдж. Прямо под булавкой собачьим почерком написана дата – первое мая, вчера, и время – четыре утра. Ниже номер телепера.

– Думаю, надо позвонить по этому номеру, Клегг, – сказала я. ЩЧ.

Клегг глубоко вдохнул и чихнул, уронив баночку с наноблохами.

– Вот черт! Ну вот, это все из-за тебя. – Он тут же начал чесаться.

– Я не говорю, что его убила обязательно Бода, – сказала я. – Но она могла. Мы с тобой должны делать свою работу или нет?

– Думаешь, мы делаем свою работу? – чесался Зеро от блошиных укусов.

– Можешь достать у Колумба для меня фотографию Боды? Если не она убила Койота, она может знать, кто это сделал. Стоит хотя бы попробовать.

– Крекер сказал – нет. Крекер сказал закрывать дело. Всё.

Я не могла понять, почему Крекер и Зеро Клегг так возражают против поисков Боды. Это же основное направление расследования. Может быть, что-то происходит, какие-нибудь закулисные интриги? Или я просто неправильно читаю тени? Все равно, я точно не хотела, чтобы тот дневник попался на глаза Клеггу.

– Крекер – хозяин, – продолжал Зеро. – Он босс. И в его списке дел есть вещи поважнее. Иксеры снова жалуются на Гамбо Йо-Йо, потому что он продолжает ломать карту. Крекер хочет, чтобы я его выследил.

– Зеро, почему меня должен интересовать какой-то старый хиппи?

– Потому что так получилось, что он нарушает закон.

– У меня сильные предчувствия в связи с этим делом, Зеро.

– Оставь их при себе и хватит называть меня Зеро. – Он никак не мог перестать чесаться из-за прыгавших по нему наноблох.

– Дай мне одну попытку, пожалуйста. Давай найдем, чей это номер. Поможешь мне?

– Я же пришел с тобой сюда, так ведь? Черт. Хорошо остальным, им ты никогда не нравилась. А то бы им пришлось потратить на тебя чертову уйму времени.

Я ничего не ответила.

Позже в тот же день Зеро поехал со мной на север, на мертвые равнины. На улицах Манчестера через асфальт и гудрон пробивались цветы, и, пока мы ехали, следом за нами бежали стаи собак. Повсюду виднелись признаки пылицы. Зеро чихал и чесался, пропихивая между челюстей голубое телеперо. Он попробовал номер, который был написан на карте Койота, и сказал, что там слышен только шум статики. Потом чихнул еще раз и обляял аллергию. Из-за этой поездки было много споров, особенно когда я попросила три патрульные машины: по одной сзади и впереди. И тяжелое вооружение. И в том, и в другом мне отказали. Зеро был полностью согласен, говорил, что никакой ублюдочный зомби не захочет с ним связываться. Но я заметила в его глазах страх – особенно когда мы проезжали через территории мутантов в Северном Манчестере.

– Пес-Христос! – говорил он мне. – Что с миром творится? Никого на себя похожего не осталось. Мать их, посмотри только! Дымка, видишь вон ту тварь? Что это за херня такая? Мутанты ебучие! – Последнее он проорал из окна.

– Знаешь что, Зеро? – сказала я. – А ведь говорят, что в некоторых из них есть и собачья кровь.

– Нуу... Дешевый наезд, Дымка. Пес-Христос! Это только доказывает, какие уроды эти зомби.

Потом мы подъехали к северным воротам – на выезд, внутрь гигантской скорлупы, где летели искры с шок-дубинок и с огромных грузовиков счищали прицепившихся зомби. Мы втиснули машину в очередь за вазовозом. «Пылающая комета» могла бы целиком поместиться в тени от задних колес – сейчас городская стража светила лазерами под прицепом в поисках контрабанды. Сквозь проволочную сетку мне было видно въезд, где трейлеры поливали жидкостью от зомби.

Грузовик перед нами проехал вперед, и, когда Зеро передавал стражу свой полицейский код, со стороны въезда донеслось рычание, а потом что-то шлепнулось о забор.

Зомби-заяц, смытый с одной из машин на входе.

Колотит по сетке руками и ногами.

Зеро закричал на тупо стоявшего таможенника:

– Пес-Христос! Ну уберите его куда-нибудь! Прилетевший зомби просунул скользкие руки в ячейки сетки и почти скреб когтями по нашей машине. Шипящий жир брызгал на лобовое стекло. Зеро вытащил пистолет:

– Прикончу урода.

Опустил стекло. Я велела ему успокоиться, но когда пес в Зеро брал верх, его было не остановить. Стражи добрались до зомби первыми и затыкали его шок-дубинками. От жуткого воя попятился даже Зеро, а в воздух поднялся запах горелой полумертвой плоти. Зомби прожарился насквозь. Тогда я подумала о своем любимом незаконнорожденном Сапфире, который лежит совсем один в своей спальне там, в квартире. Как же мне его защитить?

Мы проехали через КПП, свернули с главной дороги и понеслись по грязной колее, мимо разбитых машин и обгорелых вагонов, торчавших на пустоши, от которой целые мили до ближайшей железной дороги.

Лимбозона.

Мы обнаружили большой засохший дуб с переплетенными ветвями, скрючившийся от ветра. За ним в колыхавшееся небо поднимался последний телеграфный столб.

Точный ориентир. Блэкстоун Эдж.

Кругом были только пожухлая трава и сухой ветер. Зеро бешено чихал, осматривая пустоши в поисках зомби, и рука, которую он держал у кобуры, каждый раз дергалась.

– Ты в курсе, что тут есть дыры, да? – сказал он. – Дыры в Вирт.

Я пошла дальше по пустоши. С одной из чашек телеграфного столба свисал длинный провод: бугристые корни росли из его конца и всасывались в мокрую землю.

На юг от города, как раз на краю карты, где пустоши Лимбо еще не взяли свое, под нависшей скалой стоит икс-кеб. Здесь безопасно, не будет разборок с копами. Дорога растворяется в пустоте сразу за Элдерли Эдж. Драйвер отъехал как раз настолько, чтобы отвязаться от Колумба.

Путь до этой скалы прошел в одиночестве благодаря атласу. Бода заплатила внушительную сумму угрюмому пограничному жителю, чтобы узнать расположение тайной дороги. Пропущенную ночь она провела в машине, слушая шорох листьев по стеклу и стоны зомби на пустырях. Она включила все защитные системы, и Тошка обещал ей, что глаз не сомкнет, но все равно ее сон прерывало урчание грохотавших мимо вазовозов, а по раненой дороге гуляла боль. И еще больнее становилось, когда приходили мысли о Койоте. Ее не покидало ощущение, что это она его убила, что она виновна. В темноте ее мозг часами прокручивал варианты. Если бы только Роберман не рассказал ей про заказчика из Лимбо. Если бы только она не сказала о нем Койоту. Если бы он не позвонил по тому номеру. Если бы только она любила его сильнее или

полюбила раньше. Если бы только, если бы только... В ее жизни слишком много «если бы». А что собирается делать Колумб? Что она сделала такое, что вызвало его гнев? Тут Бода полезла в сумку и достала записную книжку. В ней нацарапан номер, по которому звонил Койот. Номер в Лимбо. Может, позвонить по этому номеру? И там выяснить что-нибудь об убийце псодрайвера. Она хочет найти убийцу? Да, потому что тогда она сможет простить себе, что дала Койоту номер. Но как ей добраться до телефона, снова не подключаясь к карте? В конце концов, она провалилась в сон, а потом проснулась с тем же самым вопросом. Она уже много часов сидит в кебе, голодная и расстроенная. Сегодня второй день ее новой жизни: темнеет, наступает время зомби – и девушка боится.

Где-то в глубине Лимбозоны над горизонтом вспыхивают огни. Она не хочет думать, что там. Она слышала столько разных историй. Здесь Бода в безопасности, сейчас, когда с одной стороны власть, а с другой – хаос, пока она в состоянии защищаться от зомби. Но нужно что-то менять. По дороге проносится еще один вазовоз. Тошку трясет из-за вибрации.

МНЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЭТО ТЕРПЕТЬ? – говорит он.

– А у нас есть другой выбор? – спрашивает Бода. – И как это я до сих пор слышу твой голос? Ты же по идее должен был замолчать навсегда.

ВООБЩЕ-ТО Я НЕ ОТКАЗАЛСЯ БЫ ОТ ЧЕГО-НИБУДЬ ПИТАТЕЛЬНОГО.

– Питательного?

БЕНЗИН, РОДНАЯ.

– Я бы тоже, – отвечает Бода. – В смысле от еды.

Мимо грохочет второй грузовик, похожий на освещенный огнями океанский лайнер. Бода запускает мотор Тошки и выруливает на дорогу вслед за грузовиком, догоняет огни, дрожащие в глубине Лимбо.

Через двадцать минут они въезжают на стоянку перед отдаленной заправкой с кафе. Унылые, как руины, одинокие строения стоят посреди пустырей Лимбо. Рассыпающаяся неоновая вывеска гласит: «**ОБЕДЕННО-ЗАПРАВОЧНЫЙ САЛУН КАНТРИ ДЖО. БЕНЗИН БЕЗ НАЛОГОВ. ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА ПЕРЕД КРАЕМ СВЕТА. ЕСТЬ КОМНАТЫ**». По небу гуляют лучи лазеров, установленных на крыше кафе. Бода платит за бензин и спрашивает мальчика-пса у колонки, есть ли у них свободная комната. Тот только кивает на светящуюся вывеску и рычит:

– Читать умеешь, сука-тень? Спроси Джоанну.

«Что значит – сука-тень? Это он про меня?»

Она проходит через вращающуюся дверь салуна и чувствует легкое замешательство. Изнутри слышна музыка в стиле кантри, женский голос исполняет песню, смешиваясь с грубыми мужскими выражениями радости. Бода стоит снаружи, смотрит вверх створок дверцы...

Как раз напротив, на деревянной сцене, призванной изображать обстановку горного ранчо, поет и играет на гитаре женщина. Певица представляет собой нечто условно-блондинистое и одета в стиле Дикого Запада: стетсон, галстук-шнурок и цветастое льняное платье.

– «...Упрямый бычок убегает от нас, но мой Джо, свив лассо, повалил его в грязь».

Потом она начинает припев про то, как что-то там «проснулось в надломленном сердце». Толпа неотесанных дальнобойщиков с ревом одобрения и взрывами чихания охотно присоединяется. И еще какой-то странный шум вроде хлюпающего жужжания слышен из глубины комнаты. Там движутся черные тени. Песня заканчивается, исполнительница пробирается к стойке бара, с улыбкой, но твердо пресекая все заигрывания из толпы.

Бода входит.

Ее встречают молчанием. Воздух пронзает одинокий хриплый свист. За ним следует невероятный чих. Примерно половина водителей сидят в импровизированных респираторах – цветные банданы закрывают рот и нос. Один из них шлепает по колену, приглашая Боду сесть.

Бода вежливо отказывается.

Дальнобойщики – это ладно, с ними Бода еще может смириться, сама крутит баранку девять лет, но когда она проходит в глубь бара, из угла выходят тени и приближаются к ней.

«Зомби! Вот дьявол!»

Существа смотрят на нее сквозь испарения дыма и пота. Дальнобойщики сидят в одном конце комнаты, зомби – в другом. Между ними мерцает плотный поток воздуха – как занавес, скрывающий от глаз что-то неприятное. Певица улыбается ей из-за стойки. На стене висит впечатляющий набор атрибутики Дикого Запада, в том числе пять-шесть револьверов и винтовка. Дальнобойщики и зомби пялятся на голый карточереп Боды. Бода вынимает из сумки вязаную шапку, натягивает на голову и затем спрашивает певицу:

– У вас есть «бумер»?

Смех со стороны дальнобойщиков. Снова чихание.

– Мало кто заказывает «бумер» в здешних местах, – отвечает певица. – Есть приличный «бурбон», «Джек Дэниелс». Устроит?

Бода кивает, платит за огненную воду и выпивает половину. В двух шагах от нее, отделенный дрожащей воздушной завесой, стоит большой зомби – мужчина двух с лишним метров ростом, издали даже похожий на человека. Конечно, он весь скользкий, и некоторые части тела какие-то разболтанные, но по сравнению со своими собутыльниками, которые оборванной кучей выстроились вдоль невидимого барьера, этот громила – просто вирт-звезда. И, кажется, он и сам так считает. Его ярко-желтый стетсон сдвинут на затылок. Барменша шагает сквозь воздушный занавес, чтобы обслужить большого зомби, и потом переходит обратно, на сторону дальнобойщиков.

– Ты Джоанна? – спрашивает ее Бода.

– Когда как, – ворчит большой зомби.

«Боже мой, они разве умеют говорить?»

– Не обращай на Бонанзу внимания, – говорит барменша. – Вообще он большой осел.

– Я ее проинформировал, – отвечает Бонанза. – Просто проинформировал.

Бода игнорирует его, удивляясь, насколько это просто. Зомби ведь должны быть злобными.

– У вас есть комната на ночь? – спрашивает она барменшу.

– Детка, можешь переночевать у меня! – орет один дальнобойщик.

– Сколько угодно, – сообщает ей Джоанна. – Комната и питание. Еду могу принести прямо в номер. Вряд ли тебе захочется сидеть с этими парнями.

– Спасибо. А телефон тут есть?

– Рядом с «напалмовским» автоматом.

Бода пробует набрать номер и получает в ответ: «ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН». Она идет обратно к стойке.

– Это перофон, – говорит она. – У вас есть обычный телефон? Который принимает деньги?

Барменша пристально всматривается в глаза незнакомой девушки и наконец говорит:

– Пойдем со мной. Он в задней комнате.

Они проходят в комнату, и барменша представляется Джоанной, сестрой Кантри Джо, который сейчас в Приграничье.

– А что здесь за место? – спрашивает Бода. – Я не знала, что тут есть город.

– Значит, ты не знаешь совсем ни хрена, – отвечает Джоанна. – Тут скорее даже не город, а община со своим образом мыслей.

– Мне понравилась песня.

– Ну, спасибо.

– Что значит «маверик»?

– Тоже не знаешь? Вообще-то надо бы. Это старое ковбойское слово. Означает корову, которая во время перегона скота не хочет бежать вместе со стадом.

Они входят в какое-то подобие жилой комнаты. По стенам развешаны коровьи рога. Едва слышно играет древнее радио, настроенное на волну Гамбо Йо-Йо. Коллекция акустических гитар на деревянной стойке. На шатком столе – старинный дисковый телефон.

– Видишь ли, я не могу принимать перья, – продолжает Джоанна. – Я дронт. Думаю, ты тоже, раз пришла сюда и спросила про бесперьевой телефон?

– Наверное.

– Ты в последнее время часто чихаешь?

– Совсем не чихаю. Я несколько раз пыталась. Но ничего не получилось.

– Так и знала. Я тоже.

– А что такое?

– Из всех дальнобойщиков, которых я знаю, сейчас не чихают только те, которые дронты. У тебя не возникает какое-то странное чувство?

– Какое?

– Ну, не знаю. Наверное, беспокойство. Вот у меня да. У тех дальнобойщиков тоже. Знаешь... как будто нужно идти. Такое чувство, что всех дронтов кто-то зовет.

И что Бода должна на это ответить?

– Как получилось, что в твоём баре сидят зомби? Из-за них не бывает проблем?

– Девушка, вы сама наивность. Я делаю деньги на проблемах. Приграничье – страна мутная. Тут нужно налаживать отношения с людьми.

– С людьми?

– Естественно, зомби тоже люди. Мы – последнее напоминание о городе перед началом Лимбо, и тут приходится идти на уступки. «Салун Джо» – конгломерат. Ты видела Волшебную Стену в баре? Волшебная Стена – изобретение Джо.

– Держит зомби на расстоянии?

– Держит зомби отдельно.

– А у меня получится пройти через нее?

– Я бы не советовала.

– Но ты ведь ходишь.

– Я слегка особенная. Как тебя звать?

– Бода.

– Бода, ты откуда-то сбежала, верно?

– Вроде того.

– Дай посмотрю твою голову.

Бода стягивает вязаную шапочку. Джоанна присвистывает.

– Фью-ю. Ни фига себе пропахало! Ого... в тебя стреляли?

Бода поднимает руку к ране.

– Да ничего. Просто задело.

– Там грязь. Дай-ка... вот... ох, Господи! Скверная штука. Давай я перевяжу.

– Да не нужно. Все нормально.

– Стой тут.

Джоанна скрывается на кухне и появляется вновь с бинтами и банкой мази. Она заставляет Боду пригнуться, чтобы нанести мазь.

– Тебе нужно к доктору.

– Нет.

– Давай хотя бы наложу повязку.

– Никаких повязок.

– Ладно.

Когда Джоанна заканчивает хлопотать, Бода распрямляется и вынимает записную книжку из сумки. Находит нужный номер – заказ, который ей отдал Роберман, а она передала Койоту. Больше не было ничего – ни адреса, ни имени, только номер телефона. И вот она снова ждет гудка, а мысли у нее разбегаются. «Кто там, на другом конце провода? Этот телефон убил Койота». Какая-то девочка по имени Персефона. Щелчки разрядов, а за ними...

Последний телеграфный столб где-то в темноте на пустошах к северу от города. Со столба спадает единственный провод и пробирается по полям. Он ползет сквозь заросли, постепенно становится зеленым, превращаясь из провода в побег. Бежит по глине и торфу – провод-ветка.

Бода стоит в комнате Джоанны, слушает шуршание в трубке. Что-то лопается, раскрывается. Голоса темноты. Жизнь трав. Подземный шторм. Она слушает, как трескаются семена, скрипят растущие корни, скользят черви, раскрываются цветы.

Тишина в трубке невыносима. Единственная зацепка дала на выходе только шум, который она не может понять. Она осторожно кладет трубку на рычаг, разрывая соединение. Пути вперед больше нет.

Бода забирается в свою сырую комнату. Комната – значит кровать и комод. Столик. И все. Койот...

Она не может перестать думать о Койоте. Как он обещал сводить ее на второй этап полуфинала по виртболу в этот четверг. О Манчестере. О том, что не нужно быть частью системы. Так сказал ей Койот четыре дня назад в «Соловьином кафе». Неужели всего четыре дня назад?

Икс-кеб – система. Койот – нет.

«Он погиб из-за меня». Вот о чем она думает.

Позже, во время ужина – два яйца, сосиска, жареная картошка и бобы – Бода слышит, как внизу Джоанна поет «Тебе сегодня одиноко» и как Лимбо тихо шепчет в темноте за стенами ее комнаты. Дорога до дома в Уэллей Рэндж будет долгой. Если она вообще туда доедет. Если она вообще захочет туда поехать. Зачем туда возвращаться? Рана на голове уже заживает; короста закрывает Кингсвей. Может быть, ей стоит ехать дальше, в глубь Лимбо. Как-нибудь устроиться там, посреди иссушающего ветра и темноты. Такая перспектива ее все больше привлекает. Время сидеть тихо и время срываться с места. Завтра они с Тошкой поедут в убийственные пустоши. С Манчестером покончено.

Бода влезает на скрипучую кровать. Несмотря на свое решение, ей будет трудно обойтись без той массы удобств, которую предоставляет таксишная карта. В полусне она позволяет себе немного подумать о плавно выющихся нитях, по которым когда-то пролегал ее путь, на которых прошла ее жизнь. О наставлениях Робермана. Такое нежное прикосновение. Она помнит, как ездила вместе с ним, когда ей было девять с половиной; тогда она только присоединилась к иксерам. Три года она была его ученицей, каталась на заднем сиденье, впитывая великое знание робоса. В двенадцать у нее случилась первая менструация, и тогда Колумб объявил, что настало время подключить к карте ее собственный кеб. Церемонию инициации она прошла с легкостью и без всяких проблем – если не считать встреченных там огненных демонов – и получила новое имя – Боадиея и с ним новую личность, готовую на все ради цели.

Теперь она не может доверять Колумбу. А если не Колумбу, то кому вообще она может доверять?

Она тянется к первобытному радиоприемнику, включает его, крутит настройку, пока не появляется слабый голос Гамбо Йо-Йо, пробивающийся через границу карты. Человеческий голос. Пират-хиппи поставил песню под названием «Blue Suede Shoes». Бода надеется, что музыка как-то ее успокоит. Но всю песню она думает только о том, что потеряла. Больше нет икс-кебов, нет Койота, кончилась прежняя жизнь. Она как чистый лист, как заснеженная равнина. Всю жизнь она посвятила икс-кебам, теперь плывет по течению и даже не помнит, что было до них. Не помнит даже своего настоящего имени.

Как бы я хотела быть сейчас с тобой, Тошка. Лететь с тобой по дороге. Она устала, но не может уснуть и в сумерках разума представляет себе разговор с кебом.

КАК ТЫ, БОДА? – спрашивает Тошка.

«Бывало и хуже».

ЧЕМ-НИБУДЬ ПОМОЧЬ?

«Просто тоскливо, но я, наверное, привыкну».

ХОЧЕШЬ ПРОКАТИТЬСЯ?

«Утром. Конечно. Уедем далеко-далеко».

НА ЗАКАТ?

«На восход. Утром восходит солнце».

Я ЗНАЮ.

«Ладно. И мы поедem на юг, не на восток».

ЧТОБЫ ЗАБЫТЬ ГОРОД?

«Чтобы все забыть. Ты на самом деле говоришь со мной?»

КОНЕЧНО. Я В ТВОЕЙ ТЕНИ.

«Не может быть». Мгновение и... «Неужели я такая? Правда?»

ТАКОЙ ТЫ БЫЛА ДО ИКС-КЕБОВ, БОДА. МЫ С ТОБОЙ ГОВОРИМ ЧЕРЕЗ ТЕНЬ.

«Я дронт? Я не смогу попасть в сон?»

БЫСТРО СХВАТЫВАЕШЬ, ДРАЙВЕР.

Завернутая в тонкую простыню, Бода улыбается сама себе и шепчет:

– Раз-два, голова, три-четыре, покатили... Под окном сигналит Тошка. Четыре раза.

«Спокойной ночи, Тошка».

СПИ, МАЛЫШ.

И когда затихает золотой голос Элвиса и в эфире снова появляется Гамбо, Бода шокирована, как никогда...

– Боадицея, Боадицея, Боадицея! Ты там слушаешь, маленькая убийца? Слушайте все. Боадицея, или просто Бода – имя молодой иксерки, которая вчера утром поломала схему икс-кебов. Вот почему карта в отрубе и столько проблем у всех пассажиров. Йо-Йо! Гамбо покопался в памяти икс-кебов – кеб этой девчонки был рядом с Алекс-парк, когда случилось убийство.

Бода садится на постели:

– Что?

– А еще она любовница Койота, нашего замечательного таксопса, которого убили вчера. Завтра его похороны, тут полиция расстаралась. Слушайте, как завертелся сюжет. Почему это копы не гоняются за Бодой, а вешают убийство на какого-то мифического зомби? Если копы закрывают глаза, мы сами должны смотреть в оба. У Гамбо Йо-Йо к слушателям есть просьба: присмотрите за этим съехавшим с трассы драйвером. Бода ездит на беглом кебе с именем Фаэтон, а на голове у нее потрясная татуировка, карта Манчестера. Если увидите ее, дайте Гамбо знать, номер старый: 7-7-7-Y-Y. Вы знаете, он не прослушивается. Колумб предложил четыре золотых пера тому, кто приведет девочку обратно. Не ловитесь на удочку этому старому кеб-заправиле. Гамбо предлагает пять золотых! Йо-Йо! Приведите мне убийцу. Концентрация пыльца 225 и продолжает повышаться, Сейчас Спенсер Дэвис из шестьдесят пятого: «Беги, не останавливайся». В пятьдесят девятый раз Гамбо наблюдает возрождение шестидесятых. Так что хе-хе, беги, не останавливайся, девочка. Скоро увидимся.

Играет песня. Бода в ужасе. «Что это значит? Я была у Алекс-парк, когда убили Койота? Нет, не была. Это подстава Колумба. То он попробовал меня убить, теперь... Сволочь, за мной будет гоняться весь Манчестер».

Даже люди в этом баре...

Бегом, киса, бегом!

Она спрыгивает с кровати, собирает вещи, осматривает окно. Ржавые гвозди, которыми забита рама, глубоко сидят в дереве. Тошка все так же терпеливо ждет под окном, в ласковом неоновом свете вывески остановки-перед-концом-света. Моросит дождь. Рядом с Тошкой под дождем грузно стоит одинокая фигура. Судя по виду, тот самый зомби. Бонанза, так его вроде зовут? Зомби всматривается в ее окно на первом этаже. Бода вздрагивает.

«Включай зажигание, Тошка. Убираемся отсюда».

Как можно тише она пробирается к двери.

Джоанна уже там. На ней длинное платье леопардовой расцветки, отделанные мехом туфли на шпильке, ее светлые волосы слегка растрепаны.

– Куда это ты собираешься? – спрашивает она.

– Расхотелось оставаться в комнате, – отвечает Бода.

– Ты слушаешь Гамбо, детка? – Джоанна говорит низким мрачным голосом. – Сейчас была интересная передача. Вся про беглых драйверов и собакоубийц. И предложение там было чрезвычайно выгодное. Самой мне перья не нужны, но я ведь могу их продать. Сделаю деньги и снимусь отсюда.

Джоанна подходит так близко, что там, где толстый слой косметики на ее лице смазался, Бode видна черная щетина. И шагая вперед, Джоанна вынимает из-под платья пистолет. Направляет его на Боду.

– Это настоящий кольт сорок пятого калибра, девочка. Лучшая пушка на Диком Западе.

– Не надо, это не я.

– Я же сказала, дорогая – мне просто нужны деньги.

– Мистер Йо-Йо?

– У меня что, мужской голос?

– Значит, Ванита-Ванита?

– Да. Что такое?

– Я хотела бы поговорить с мистером Йо-Йо. Это звонит Кантри Джоанна. Есть очень важные новости для Гамбо. Мы сейчас в эфире? О Боже мой...

– Нет, леди, мы не в эфире. Успокойтесь. Я предполагаю, вы нашли Боадицею?

– Да, так и есть.

– То же самое говорят еще пара тысяч человек.

Бода вынимает пачку «напалмов». Надпись на пачке: «КУРЕНИЕ ПОМОГАЕТ ПЕРЕНОСИТЬ НОЧНОЕ ОДИНОЧЕСТВО – ЛИЧНЫЙ ЭЛВИС ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА». Она закуривает сигарету, глубоко затягивается, пускает струю дыма от себя к Джоанне. Бода сидит на подушке на полу в жилой комнате за баром Кантри Джо. Джоанна опирается о стену напротив, обливаясь потом. В одной руке у нее пистолет, в другой телефонная трубка.

– Эта сигарета моя последняя? – спрашивает Бода.

– Заткнись! – кричит Джоанна грубым голосом и продолжает говорить в трубку. – Слушайте, мисс Ванита, тут все без обмана. Девушка у меня. Сидит передо мной. Я держу ее на мушке.

– Докажите. У нас есть доступ к голосовым образцам иксеров. Дайте ей что-нибудь сказать.

Джоанна колеблется. Она прижимает трубку плечом, чтобы достать из серванта бутылку «бумера».

– Мне казалось, ты его не употребляешь? – говорит Бода.

– Тебе много чего казалось. Отъебись!

Бода поднимается с подушки, Джоанна заглатывает две дозы «бумера». Бода хорошо знакома с действием «бумера», поскольку сама пробовала его много раз. Две дозы погружают вас в беззаботное блаженство.

– Ванита, вы слушаете?

- Я жду, леди.
– Ладно, Боадичея сейчас подойдет к телефону. Вы готовы? – Джоанна жестом зовет Боду. Бода берет трубку и говорит:
– Ванита, это Бода, бывшая сотрудница компании «Икс-кеб». Меня держат в...
– Хорошо, хорошо! Распознавание прошло. Бода, не клади трубку. Гамбо, давай сюда. Мы ее нашли...
– ...Боадичея! С тобой говорит Гамбо Йо-Йо.
– Гамбо, я невиновна. Пожалуйста, послушай...
– Дай сюда телефон! – Джоанна выхватывает у Боды трубку. – Гамбо Йо-Йо, это Джоанна. Девушка у меня, так что давайте к делу.
– Безусловно... Пять золотых перьев, как обещано.
– Нет, кое-что еще. Мы сейчас в эфире?
– Нет.
– Дайте мне эфир, Гамбо. Я хочу выступить по радио. Видите ли, я фолк-кантри исполнительница.
– Я не могу вот так просто пустить тебя в эфир, Джоанна. Нужно решить несколько технических вопросов. Разрешите мне...
– Гамбо, слушай. Песня называется «Маверик покидает стадо». Моя самая известная песня. Может, твоим слушателям понравится. Посмотрим, что ты скажешь...
И Джоанна начинает петь в трубку ту песню, которую Бода слышала раньше:

Наш рыдван километрит по проселкам вперед,
Мой дружок матерится на меня, что идет дождь.
Упрямый бычок убегает от нас,
Но мой Джо, свив лассо, повалил его в грязь.
И в надломленном сердце проснулся тогда Маверик,
что плевал на любые стада.
Не задушишь арканом, не пустишь под нож.
Маверик покидает любые стада.

Голос Джоанны кристально чист, она летит по нотам, как та самая девушка-ковбой из песни. Бода не может оторвать от нее глаз; Джоанна поет как последний раз в жизни. Отчаяние таится в мелодии и в словах. Песня, история, которая в ней рассказывается, трогает до глубины души. Боже мой, эта женщина действительно умеет петь: каждая нота сияет. Блестящая песня...

А бычок все бежит по широким полям,
Джо привстал в стремях, кожа в каплях дождя.
Он кидает лассо – и стоит под дождем
Тот бычок, Что не хочет ни клейма, ни в загон.

Бода берет одну из гитар Джоанны. Перебирает струны, следуя за простыми аккордами мелодии. Джоанна закрывает глаза и, как ни странно, улыбается Боду, когда они вместе начинают припев.

И в надломленном сердце проснулся тогда Маверик,
что плевал на любые стада.
Не задушишь арканом, не пустишь под нож.
Маверик покидает любые стада.

Песня завораживает Боду. Или голос? Что-то в Джоанне напоминает ей о Койоте. Певица и пес занимают одно место в новорожденной Тени Боды, тот же уголок одиночества и недостижимой красоты.

Но веревка слабеет у него на рогах,
Он без страха опять убегает в луга.
Он уже не вернется, и, слезу задушив,
Завтра утром, Джо, я продолжу жить.

Бода осознает, что поддалась очарованию. Нужно отвлечься от песни, от обстановки вокруг.

«Тошка, едем!»

Движение Тени – и внезапно Бода становится кебом, который управляет запуском двигателя, и ведет его через Тень, разгоняясь по направлению к неоновой вывеске. Бода заносит гитару над головой, готовясь ударить Джоанну. Джоанна открывает глаза, спокойно поднимает пистолет: палец лежит на спуске, ствол направлен прямо в голову Боду. Джоанна продолжает петь. Снова припев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.